

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ПИКНИК НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Дарья Александровна Калинина

Пикник на Лысой горе

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122064

Пикник на Лысой горе: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-19497-5

Аннотация

Переступая порог богатого особняка в предместье Риги, Инна не могла даже предположить, что ее ждет здесь через несколько часов. Она собиралась просто погостить у своих родственников. Ну и немножко проучить своего строптивого муженька Бритого: пусть погрустит без нее в новогоднюю ночь.

Но в канун Нового года кто-то из потенциальных наследников отравил дедушку. А Инне и ее сводной сестре Наташе пришлось распутывать сложнейший клубок преступлений: убийства, похищения, поиски завещания, по которому Наташа становится одной из богатых наследниц.

Конкуренты могут отдыхать – неунывающие сестрички своего не упустят...

Дарья Калинина

Пикник на Лысой горе

Инна открыла глаза и сладко потянулась в постели. Затем она повела носом, но, к своему удивлению, не учуяла ни аромата свежей сдобы, ни кофе. Да и каких-либо шумов, свидетельствующих о том, что приготовления к завтраку идут полным ходом. Это было возмутительное упущение со стороны Иннинного мужа. Инна села в постели и открыла рот, чтобы высказать лентяю, что она думает о его поведении.

Но как Иннин рот открылся, так он и закрылся. Мужа дома не было. Собственно говоря, Инна и знать-то сейчас не могла, дома ее муж или нет. Вчера вечером она сама бросила своего супруга и ушла из его квартиры в свой дом.

«На этот раз окончательно и бесповоротно!» – напомнила себе Инна. За те три месяца, что она была замужем, она собирала вещи пять раз, уходила от него навсегда ровно три раза и всего каких-нибудь раза два переколотила все бьющиеся предметы в доме муженька. Включая и огромную чашу из хрусталя, которую им подарил кто-то на свадьбу. Оба супруга отличались горячим темпераментом, поэтому ссоры вспыхивали на ровном месте.

Инна даже подозревала, что в родне Бритого – ее мужа и бывшего уголовника, ставшего ныне честным бизнесменом, не обошлось без примеси креольской крови. Хотя по

внешности Бритого этого никак нельзя было предположить. У него была очень светлая кожа, каштановые волосы и голубые глаза. Но очень уж бурно Бритый реагировал на сущие пустяки. Ну к примеру, что Инна слегка построила глазки какому-то типу в ночном клубе. Ну подумаешь, делов-то! Это для кого-то, может, и подумаешь, но только не для Бритого.

– Боже, какой я осел! – орал Бритый, бегая взад-вперед по комнате и пытаясь рвать не себе волосы. – Зачем я на тебе женился! Какой дурак! А, какой дурак! Затмение на меня нашло, не иначе!

Разумеется, такое поведение мужа отнюдь не пробуждало в Инне теплых чувств и не способствовало примирению супругов. Рыдая, Инна собирала вещи и уходила к себе домой. Через пару дней ей надоело проводить время в одиночестве. К тому же у нее иссякал поток ругательств, которыми она осыпала всех мужиков на свете, и своего драгоценного в частности. Тогда очень своевременно на пороге появлялся Бритый с извинениями и корзиной алых роз или королевских лилий.

Но в последнее время Бритый не с той прытью мчался мириться с Инной. А вместо лилий он в последний раз посмел явиться с каким-то жалким веником из розовых порядком подмороженных гвоздик. Разумеется, Инна с негодованием швырнула ему этот веник в морду, а Бритый немедленно исправил свою ошибку, купив охапку роз, но факт оставался фактом. На это раз нельзя было довольствоваться банальным

уходом. Следовало применить какое-то более эффективное средство, чтобы подстегнуть чувства Бритого и заставить его ценить свою половину.

– Нет, ну что он себе позволяет! – возмущенно произнесла Инна, выскакивая из постели на холодный пол. – Уже три дня прошло, а от него ни слуху ни духу. А ведь Новый год через два дня!

Умываясь и чистя зубы, Инна пришла к выводу, что оставить без наказания такое возмутительное поведение Бритого просто нельзя.

– Пусть мне самой будет хуже, но я ему покажу, – бормотала Инна себе под нос, разглядывая свое отражение в зеркале. – Где вот он столько времени болтается?

С зеркала на нее с укором смотрела красивая девушка со стильной стрижкой, ровным легким загаром и абсолютно васильковыми глазами. Фигурка у Инны тоже была что надо. Рост за сто семьдесят. Худошава, но где нужно – кругленькая. К тому моменту, когда Инна плюхнула на сковородку два яйца и энергично взболтала их, у нее уже созрел план.

– Уеду! – решительно воскликнула Инна. – И никому не скажу, куда. Пусть поволнуется! Пусть побегает! Явится сюда за мной, а меня и нету. Тю-тю! Ищи ветра в поле. Посмотрю, что он тогда запоеет.

Тот факт, что она ни при каких обстоятельствах не услышит, что запоеет Бритый, так как сама будет далеко, Инну ни капли не смущал. И намазывая масло на хлеб, она при-

няла окончательное решение уехать из Питера на несколько дней и встретить Новый год в обществе близких ей людей, а не этой бесчувственной скотины, по недоразумению доставшейся ей в мужья.

Загвоздка была в одном: Бритый отлично знал всех близких Инны. И к ним бы в первую очередь и побежал разыскивать свою блудную жену. Что ни говори, а Инна была уверена, что Новый год Бритый захочет встретить вместе. А значит, если она хотела ему насолить, то нужно на новогодние праздники слинять к людям хотя и близким, чтобы согласились в дом пустить, но все же не очень уж родным. Словом, к таким, про которых Бритый бы ничего не знал.

И тут необыкновенно кстати у Инны в мозгу всплыла мысль о сестре Наташе. Это было удивительно. О младшей сестре Инна не вспоминала без малого несколько месяцев. Все как-то было не до того. К тому же Инна твердо знала, что сестра находится в надежных руках своего престарелого, но еще крепкого дедушки.

Собственно говоря, дедушка Наташи родней Инне отнюдь не приходился. Даже самой дальней. Наташа с Инной были сестрами лишь по матери. Отцы у них получились совершенно разные. И вот, отец Наташи и был сыном того самого дедушки, у которого девочка жила уже без малого полгода.

– А это отличная мысль! – похвалила себя Инна. – Проведу Новый год в обществе сестры и ее новых родственников. И в самом деле, даже неудобно. Наташкин дед зовет меня к

ним уже который месяц. Даже приглашение прислал. Вот и осчастливилю старичка. Кстати, и Бритый меня там не доставит.

И очень довольная собой Инна принялась обдумывать план мести мужу во всех подробностях.

– Паспорт у меня сделан, – рассуждала Инна. – Виза тоже оформлена. Какая я все-таки молодец, что заранее ее оформила. А то шиш бы с маслом у меня вышло Наташку с ее дедом навестить. Черт, как же его все-таки зовут? Роланд... Как же дальше? Вроде бы Владимирович. Господи, как неудобно! Ведь приезжал же старик на мою свадьбу. Разговаривали с ним. Дура я, что бы мне стоило посмотреть в приглашении, пока оно в посольстве не осело.

И Инна решила, что, здороваясь с Наташиным дедом, она первое слово его имени произнесет внятно, а второе промямлит едва слышно. Или еще чего-нибудь придумает.

– Чего я сижу! – спохватилась Инна. – Билеты купить же надо.

И Инна, напялив на себя короткий норковый жакетик – подарок мерзавца Бритого (мог бы и на настоящую шубу раскошелиться), выскочила из дома. Сдать на водительские права Инна хоть и удосужилась, но машину ей Бритый пока не подарил и теперь неизвестно, подарит ли. Поэтому на Варшавский вокзал ей пришлось ехать на маршрутке.

После распада Союза Наташин дедушка автоматически оказался за границей. Всю сознательную жизнь он прожил в

Риге, жена у него была латышкой, дети говорили на латышском лучше, чем на русском. И за пятьдесят с лишним лет Наташин дедушка так основательно и сам обла тышился, что у него даже не возникло желания вернуться на свою историческую родину, когда русских из Латвии стали вытеснять.

Впрочем, насколько Инна знала, самого Роланда Владимировича никто не вытеснял. Латышский язык он знал лучше иного коренного латыша. К тому же у него всегда была деловая хватка. После развала он не растерялся, а немедленно открыл свою частную фирму. Разумеется, дед Инне рассказывал, что это была за фирма, но Инна пропустила мимо ушей.

Теперь она жалела, но было поздно. Инна лишь помнила, что фирма приносила деду стабильный и очень хороший даже по западным меркам доход. Во всяком случае дед жил в собственном трехэтажном доме со всеми удобствами и даже больше того. В последнее время он стал потихоньку отходить от дел. Но окончательно руль из своих рук не выпустил. Раз в неделю обязательно заседал где-то там (где именно, Инна опять же не помнила).

Еще Инна знала, что в семье Роланда Владимировича старшего сына называли латышским именем, а двое других сыновей носили русские имена. Правда, средний сын Роланда Владимировича – Наташин папа погиб при загадочных обстоятельствах. Так что теперь у Роланда осталось всего два сына. Один с русским, а другой с латышским именем. Для

чего ей нужна эта информация, Инна еще и сама не знала. Но не сомневалась, что для чего-нибудь да сгодится.

Прибыв на вокзал, Инна сразу же столкнулась с очевидным и крайне неприятным фактом: билетов в Ригу на ближайшие две недели не было. Не было, и все тут! Хоть плачь. Тем не менее очередь в кассу стояла огромная. Было не совсем понятно, на что все эти люди надеются, если билетов нет. Пристроившись в конец очереди, Инна постепенно стала понимать, что билеты время от времени таинственным образом, но все же появляются. И их жадно хватают счастливицы, чья очередь как раз подошла.

– О, Господи! – простонала Иннина соседка – здоровенная баба в огромной песцовой шубе. – Сомлею сейчас. Прямо беда какая-то с этими билетами. Видать, придется поездку отложить.

– Ничего, – утешила ее Инна. – Впереди вас всего десять человек. Часов через пять дойдет очередь и до вас.

– Милая, ты что? – удивилась тетка. – Еще столько же народу, если не больше, отошло. Тут не десять, а все тридцать человек в очереди наберется.

– А что же тогда делать? – захныкала Инна.

– А что хочешь, – сказала тетка. – Раньше думать нужно было. Говорил ведь мне муж, иди, дура, купи билеты заранее. Перед Новым годом не достанешь. А я не послушалась.

– Вы в Ригу?

– Дальше, – вздохнула женщина в шубе. – Да кабы еще

вдвоем с мужем ехали, взяла бы билеты в бизнес-классе – и вся недолга. Черт с ними с деньгами. Здоровье дороже. Так ведь с нами еще дети, моя мама и его мама с отцом. Если на всех такие билеты взять – можно уже никуда и не ездить, денег больше ни на что не останется.

– А что, в бизнес-кассе есть билеты? – оживилась Инна.

– Есть, чего бы им не быть. Только и там самые дорогие остались: от двухсот долларов и выше.

Двести долларов у Инны было. Правда, она их вовсе не собиралась тратить на какой-то билет. Но что делать? Интуиция подсказывала Инне: не жмотничай! Она разузнала у своей соседки, как пройти в бизнес-кассы, и отправилась за билетами. Тетка оказалась права. Билеты остались лишь самые дорогие.

«Здоровье дороже», – утешила себя Инна, когда ей в обмен на пять с лишним тысяч выдали продолговатые кусочки бумаги.

Поезд отходил в восемь вечера, а в Ригу прибывал завтра утром. Весь день Инна промоталась по магазинам в поисках подарков для сестры и ее латышских родственников. Насколько Инна помнила, помимо Роланда Владимировича и его двух сыновей имелись еще их жены и их дети. Сколько там детей и какого они возраста, Инна не помнила. Поэтому на всякий случай купила самых разных игрушек от заводных мишек до дисков с новинками видеоигр.

Промотавшись весь день по магазинам, Инна вернулась

домой к вечеру и начала поспешно укладывать чемодан. До отхода поезда оставалось всего каких-нибудь пара часов. Краем глаза Инна поглядывала на телефон, но тот молчал. На автоответчике, который Инна проверила первым делом, вернувшись из шоп-похода, сообщений от Бритого не было.

– Вот ведь гадина, – ругалась сквозь зубы Инна, кидая в чемодан одну вещь за другой. – Ну, погоди у меня. Рыдать будешь, но никто тебе не скажет, где я. Все локти себе искусаешь. Будет тебе Новый год. На всю жизнь запомнишь!

Ровно в семь тридцать Инна поняла, что ждать больше нечего. Она уже рискует опоздать на поезд и потерять билет стоимостью почти в двести долларов. Выскочив из дома, Инна в сердцах захлопнула за собой дверь. Стены в их доме были толстые, дверь железная, поэтому телефонного звонка Инна не услышала – она уже мчалась вниз по лестнице.

А телефон у нее в квартире позвенел, позвенел, затем щелкнул на автоответчик, и тот заговорил голосом Бритого.

– Зайка, ты все еще дуешься? – спросил он. – Ну, сними трубку, Инночка. Я же знаю, ты ждешь, когда я позвоню. Хватит ломать комедию, возьми трубку. Ну, не хочешь как хочешь. Тогда я сам к тебе приеду. Ты уж прости меня, котенок. Знаешь ведь, что я у тебя дурак. А так я хороший и жить без тебя не могу. Сейчас же еду.

Телефон еще раз щелкнул и замолчал.

Ничего этого Инна знать не знала. Кипя негодованием на весь мужской род, она ехала на вокзал. Водитель, как обычно

водится, когда опаздываешь, попался ей веселый, а машина дрянная. Разумеется, на полпути она сломалась и несколько драгоценных минут ушло на то, чтобы уговорить ее снова тронуться. Потом она еще несколько раз благополучно глохла перед светофорами. В последний раз она заглохла на площади как раз перед Балтийским вокзалом.

Сунув таксисту деньги, Инна не стала дожидаться, пока он приведет машину в порядок, а помчалась на Варшавский вокзал своим ходом. Дело осложнял тяжеленный чемодан с новогодними подарками. Он тянул Инну назад и всячески затруднял ее передвижение, цепляясь за встречных граждан. Инна уже взмокла как мышь, когда ее догнал таксист на починенной им машине. Последние сто метров Инна проделала с комфортом. Таксист вылез следом за ней из машины и помог дотащить чемодан до платформы.

Поезд уже отходил, Инна прыгнула в последний вагон и рухнула там в тамбуре, ловя воздух ртом. Водитель закинул за ней следом чемодан и остался на платформе, дружелюбно помахивая ей рукой.

— У вас есть билет? — поинтересовалась у нее симпатичная проводница, дав пассажирке немного отдышаться.

Инна вытащила билет.

— О! Бизнес-вагон, — уважительно сказала проводница. — Это в самом начале поезда.

Инна тяжело вздохнула, подхватила чемодан и двинулась вперед. Поезд был чистый, в коридорах суеилось множество

людей, устраиваясь на ночь с возможным комфортом. Наконец Инна добрела до своего вагона. Она его узнала сразу же. Ковровая дорожка на полу была очень пушистая, светильники имели изящную форму кленового листа. Ручки дверей и занавеси тоже были выдержанны в стиле какого-то растительного орнамента.

К Инне немедленно бросился проводник, умеренно громко выражая свою радость при виде запоздавшей пассажирки. Он доставил Иннин чемодан до ее купе. По пути он вывалил на нее столько комплиментов и любезностей, что Инне даже стало не по себе. Впрочем, вспомнив про двести долларов, она перестала удивляться.

В купе уже сидел еще один пассажир. Мужчина. Красивый мужчина. Потрясающе красивый мужчина! Но и эта превосходная степень не могла отразить красоты Иннинного попутчика. Проводник сказал ему что-то по-латышски, и мужчина встал и расцвел в улыбке.

– Очень рад, что вы все-таки успели на поезд, – сказал он Инне.

По-русски он говорил хорошо. Без малейшего акцента. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ее попутчик, назвавшийся Андреем, был наполовину русским. В Риге он жил, а в Питере у него были какие-то деловые партнеры, которые и приглашали его на встречу Нового года, так сказать – авансом. Он галантно помог Инне пристроить ее огромный чемодан в специально предназначенный для этих

целей отсек.

– Вероятно, вам захочется привести себя в порядок? – предположил он. – Я могу выйти. У нас есть туалетная комната, но боюсь, она недостаточно велика для того, чтобы в ней переодеться с комфортом.

Инна с благодарностью приняла его предложение. Ее нижнее белье и в самом деле насквозь промокло, и его требовалось срочно сменить. Инне даже почудилось, что от нее дурно пахнет. Поэтому она переоделась, умылась и вполне почувствовала себя человеком. Туалетные комнаты были в каждом купе. Но размер помещения – удручающе мал, хотя внутри все сверкало стерильной чистотой, белым фаянсом и позолотой.

– Про меня вы все знаете. А вот к кому едете вы? – спросил у нее Андрей, когда они расположились за бутылкой шампанского в ресторане. – Вас в Риге ждут родные?

Инна поперхнулась шампанским и в ужасе уставилась на Андрея. Она только сейчас поняла, что не предупредила о своем приезде Наташу и Роланда Владимировича.

– Что с вами? – забеспокоился Андрей. – На вас лица нет.

– Я забыла предупредить дедушку о своем приезде, – прошептала Инна.

– Ну, это ничего, – засмеялся Андрей. – Он будет все равно вам рад. Это же ваш дедушка. Старики всегда рады внукам. Вот и у меня есть дед...

– Он не мой дедушка, – покачала головой Инна, чувствуя,

что ее не совсем так поняли.

– Не ваш? – поднял брови Андрей. – Впрочем, не буду лезть не в свое дело. Если бы я мог, то предложил бы вам воспользоваться моим мобильником. Но, к сожалению, у меня почти закончилась абонентская плата. В Ригу по моему телефону вам дозвониться вряд ли удастся.

Окончание вечера было испорчено. Несмотря на все старания, Инна никак не могла отделаться от мысли, что как-то не слишком красиво сваливаться как снег на голову к мало-знакомым людям. Андрей тоже скоро начал деликатно позевывать в кулак. Поэтому они отправились обратно к себе в купе.

После проведенного вместе вечера и некой интимности, возникшей между ними, Инне было как-то неловко оставаться с Андреем на ночь в замкнутом пространстве. Неловкость не прошла и после того, как Инна стянула с себя свитер и нырнула в постель. Брюки она решила на всякий случай не снимать. И оказалась права.

Просто удивительно, до чего все мужчины одинаково ведут себя в подобной ситуации. Не прошло и десяти минут, как Инна услышала, что ее сосед копошится у себя на постели.

– Инна, ты спишь? – спросил он.

Инна застонала в душе. Хоть бы один придумал начало пооригинальней. И подумать только, уже и на «ты» перешел. Кто ему, хаму, такое разрешение давал. Увы, дальнейшее то-

же не блистало уникальностью. Андрей еще пару раз окликнул Инну. Она не отзывалась. Тогда он решил действовать решительно. Но пока он пробирался к ней от своей постели, Инна успела подготовиться.

– А-а! – простонал Андрей, сгибаясь пополам и держась рукой за пах. – Ты сдурела? Ты чего не спишь?

– А ты чего? – агрессивно спросила в ответ Инна. – Еще раз сунешься, вообще костей не соберешь.

– Я поговорить хотел, – пролепетал Андрей, убираясь на свою половину. – Насчет дедушки. А ты что подумала?

Инна только фыркнула в ответ, отвернувшись к стене и заснула крепким сном под мерное покачивание поезда. Андрей еще немного покряхтел, а потом будто провалился.

В то время, когда Инна отбивалась от настойчивых ухаживаний своего попутчика, Бритый ломился в запертую дверь Инниной квартиры.

– Инна! – вопил он, стоя перед дверью. – Открой! Сколько можно! Я же знаю, что ты там!

Огромный букет любимых Инниных лилий не позволял ему размахнуться в полную мощь. Бритый осторожно пристроил цветы к стене и забарабанил снова.

– Черты бы подрал эти железные двери! – рычал он.

Час был уже поздний. В поисках проклятых цветов Бритый объездил с десятков цветочных магазинов. И вот он с тортом, шампанским и цветами стоял перед дверью любимой

жены, а она даже не соизволила подать голос.

– Молодой человек! – наконец раздался тихий голос у него за спиной. – Если вы Инну спрашиваете, то она уехала.

Бритый обернулся и увидел Инниного соседа. Ветхий старичок держал на цепи огромную кавказскую овчарку.

– Я как раз с собачкой выходил погулять и увидел, как Инна садится в машину, – сказал старичок. – Она была очень расстроена. Неужели она до сих пор не вернулась? Очень странно.

И старичок потрусил к себе.

– Когда вы ее видели? – остановил деда Бритый.

– Часа два или три назад, – сказал старичок. – Она была очень печальна. Даже не заметила меня.

Бритый задумчиво посмотрел на железную дверь, недоуменно почесал в затылке и отправился к себе домой. Инна отправилась куда-то погулять. Что ж... Если ей охота поиграть с ним в прятки, он готов. Завтра утром он снова навестит свою женушку. Лилиям за ночь ничего не сделается. Даже лучше станут, бутоны распустятся. И Бритый заснул в полной уверенности, что уж завтра Инна от него никуда не денется.

Утром Инну разбудил проводник.

– Через полчаса Рига, – сообщил он ей. – Вставайте. Сейчас я подам завтрак.

Завтрак состоял из изумительно вкусного горячего кофе,

мягких булочек и нескольких запаянных пакетиков с ветчиной и копченой осетриной. Кроме того, им подали омлет и на десерт вазу со свежими фруктами.

– Я могу подвезти вас к вашему дедушке, – предложил ей Андрей за завтраком. – Думаю, что мои друзья, которые должны встретить меня, будут рады оказать вам эту небольшую услугу.

– Мне нужен Тукумс, – сказала Инна. – Вы знаете такой район Риги? Это далеко от центра?

– Но это вовсе не район Риги, – удивился Андрей. – Это городок километрах в ста от Риги. Так вам нужно туда?

– Выходит, да, но не совсем туда. Где-то по той дороге, – растерянно сказала Инна. – Странно, я была уверена, что дедушка живет в самой Риге и мне удастся легко найти его дом.

– Жаль, но это не так близко, – сказал Андрей. – Вам будет нелегко.

– Но ничего не поделаешь. Придется обойтись своими силами.

И Инна скорбно улыбнулась, показывая, что ей не привыкать к такой ситуации.

В душе она надеялась на помощь Андрея. Вообще-то Андрей казался ей хорошо воспитанным человеком, и Инне не пришлось разочароваться. Он сразу же заверил, что ни за что не позволит Инне самой разыскивать этот Тукумс. Но увы, его друзья оказались далеко не такими милыми людьми. В том числе и его невеста.

О ней Андрей как-то забыл предупредить Инну. Поэтому ее появление среди встречающих оказалось для Инны неприятным сюрпризом. Впрочем, и невеста не была в восторге от того, что ее жених провел ночь в обществе молодой красивой спутницы. Пусть даже это была всего лишь ночь в купе поезда.

В общем, Инну доставили до автовокзала и даже помогли купить билет в Тукумс. Но на этом снисходительность невесты Андрея закончилась. И она с видимым облегчением уведла жениха подальше от опасности. Тот лишь успел на прощание помахать Инне рукой. И кинуть на девушку такой печальный взгляд, что Инна едва не прослезилась.

Уже спустя полчаса Инна покачивалась на мягких подушках в комфортабельном автобусе. Она любовалась природой и улыбалась в предвкушении встречи с сестрой и ее родней. Из Риги Инне удалось дозвониться до Роланда Владимировича, который, похоже, искренне обрадовался Инне и обещал, что обязательно встретит ее на станции. Едва Инна вышла из автобуса, как на нее налетела какая-то рослая девушка с длинными светлыми волосами.

– Инка! – завопила незнакомка, повисая на Инне. – Приехала!

– Наташка? – поразилась Инна. – Это ты?!

– Конечно я! Не узнаешь?

– Что у тебя с волосами? – выдавила из себя Инна.

Этот вопрос весьма слабо отражал то, что ей действитель-

но хотелось бы знать. Да она просто изнывала от желания узнать, как толстенькой кубышке, какой еще несколько месяцев назад была ее сестрица, удалось превратиться в сказочную красавицу. Насколько Инна помнила, сестра была особой упитанной с густыми, но на редкость тусклыми волосами и не слишком выразительным лицом. И как все это преобразилось!

– Я их покрасила, – прощепетала Наташа. – Разве я тебе не писала, я поступила в школу фотомоделей.

– Ты?! – выдохнула Инна. – Когда?

– Пару месяцев назад. Мною там всерьез занялись. Сказали, что у меня великолепный потенциал и что они за меня возьмутся. И взялись. Каждый день тренажерный зал, диета, спорт и занятия. Меня там хвалят. Говорят, что я очень настойчивая. Мой инструктор считает, что я далеко пойду и у меня большое будущее. Ты бы видела, какой это замечательный человек. Он знает почти все.

– Наталь, – перебил ее невысокий подтянутый старик, стоящий рядом с ней, – ты совсем заговорила сестру. Дай мне слово вставить.

– Да, дедушка, – мгновенно затихла Наташа. – Извини.

Инна смотрела на Наташу и не верила своим глазам. Когда она отправляла сестру к деду, Наташка была ужасно расхлябанным существом. Смысл ее жизни состоял в пожирании бесчисленного количества картофельных чипсов. Согнать ее с дивана и отправить прогуляться было сущим кошмаром.

А если она все-таки отправлялась куда-то, то уж пропадала до утра.

Одевалась Наташа подчеркнуто неряшливо, красилась вульгарно, ржала громко, а за столом предпочитала есть руками. Вдобавок она прилюдно ковырялась в носу и чесалась, где почешется. Сейчас же перед Инной стояла безупречно воспитанная девочка-подросток. Красивая, аккуратная и почтительная к старшим. Инна перевела взгляд на человека, которому удалось сотворить это чудо.

– Очень рад, что ты выбралась к нам! – тепло сказал, обращаясь к Инне, Роланд Владимирович, обнимая гостью и целуя ее в щеку. – Если Наташа не рассказывает о своих успехах в школе фотомоделей, она тарыхтит о тебе. Так что мне даже стало казаться, что я знаю тебя, Инна, лучше, чем своих собственных детей.

Инна улыбнулась в ответ. И они все вместе пошли к машине Роланда Владимировича. У него была новенькая «Шкода Октавия» цвета молодого шампанского.

– Очень хорошо, что ты приехала с утра, – сказал ей Роланд Владимирович. – У тебя будет время отдохнуть с дороги и прийти в себя до того, как начнут собираться гости.

– Гости? – спросила Инна.

– Да, мои сыновья и их семьи. Я считаю, что Новый год и Рождество нужно встречать в кругу семьи. Но сам я православный, поэтому католическое Рождество сыновья празднуют с семьями своих жен. А вот Новый год мы традиционно

всегда встречаем у меня. Нынче к нам присоединится еще и невеста моего старшего внука. Не могу сказать, что она мне симпатична. Я не слышал про нее и ее семью ничего хорошего. За исключением того, что они страшно богаты. Но не мне же на ней жениться. Хотя я не понимаю, чем она привлекла к себе Дюшу.

– Жуткая стерва, – встряла в разговор Наташа. – Если не притворяется.

Роланд Владимирович кинул на нее укоризненный взгляд.

– Ты сам так говорил, дедушка, – не растерялась девочка.

– Признаю, говорил. Но это вовсе не значит, что тебе стоит повторять мои слова, – проворчал Роланд Владимирович.

– Так что там с невестой вашего внука? – спросила у него Инна, чтобы отвлечь старика.

– Сильви очень богата. Во многих смыслах брак Дюши с ней будет полезен нашей семье. И в первую очередь нашему бизнесу. Новый капитал, полезные связи и прочее. Жаль, что для этого придется пожертвовать счастьем Дюши. Но что это я. Скоро праздник... А вот мы и приехали.

Машина остановилась перед воротами. Роланд Владимирович нажал на пульт, и створки поползли в стороны. Они проехали по вымощенной плитками дорожке и оказались на ровной площадке перед домом. Инна вышла из машины, подняла голову и ахнула.

Дом впечатлял. Он был выстроен из почти не обработанных глыб какого-то серого с розовыми вкраплениями камня.

Во всяком случае первый и цокольные этажи были сложены из него. Третий этаж оштукатурен и покрашен светлой краской. А заснеженная сейчас мансарда была выстроена из дерева, стекла, металла и камня.

– Какой огромный! – ахнула Инна.

– Да, жилая площадь сто квадратных метров, – сказал довольный произведенным эффектом Роланд Владимирович. – А общая площадь почти в четыре раза больше. Мы выстроили дом несколько лет назад. Тогда я носился с идеей воссоединить под одной крышей всю семью. Увы, дети предпочли жить отдельно. А я остался в этом огромном доме почти один. Если бы не Наташа, то и не знаю... До ее приезда мне было очень одиноко.

– Я тебя никогда не оставлю, – обняла старика Наташа.

– Ты добрая девочка, – улыбнулся тот внушке. – И пока не испорченная. Я ценю это. Пройдем в дом, Инна.

В просторном холле их встретила улыбающаяся полная женщина в форменном фартучке с испачканными мукой руками. Рядом с ней стояли молоденькая девушка и средних лет мужчина с пышными усами.

– Наша экономка и повар по совместительству – Эмилия Карловна; горничная Зина, наш дворецкий и вообще мастер на все руки Эдгар, – представил их Роланд Владимирович своей гостье. – Знакомьтесь, это Наташина сестра – Инна.

Судя по тому, как улыбки Эмилии Карловны и всех других стали еще шире и приветливее, Наташу тут любили.

– Эдгар, возьми багаж нашей гостьи, – распорядился Роланд Владимирович.

Пока дворецкий выполнял приказ, Эмилия Карловна увлекла Инну за собой на второй этаж.

– Жить будете в голубой спальне, – с легким акцентом говорила она Инне. – Рядом Наташина комната. Вам будет удобно. Остальных гостей я размещу на третьем этаже.

Инна вошла к себе в комнату и огляделась. Комната ей понравилась. Угловая, с двумя окнами и небольшим балкончиком, который выходил в сад. Летом тут должно быть вообще чудесно. И Инна дала себе слово приехать сюда еще раз.

Украшением комнаты служил камин, в котором ровной пирамидкой белели дрова. Однако и без камина в комнате было достаточно тепло. Мягкое ровное тепло поднималось от пола.

Из мебели – только самое необходимое: встроенный в стену шкаф, снаружи замаскированный под зеркало; кровать, два кресла с небольшим столиком между ними и тумбочка возле кровати. На тумбочке стояла изящная лампа. Вот и вся обстановка.

– А почему голубая? – спросила у Наташи Инна, когда Эмилия Карловна удалилась.

Действительно в комнате не было ни одного предмета голубого цвета, и обои однотонные под цвет старой сосны. В ответ на вопрос сестры Наташа фыркнула.

– Тут раньше всегда Дюша останавливался. Когда со сво-

ими друзьями к деду приезжал. Ну, ты понимаешь?

– Ты хочешь сказать...? Он голубой?

– Голубее некуда, – кивнула в ответ Наташа. – Его родители прямо с ума сходят от злости, а дед ничего, только посмеивается и грозитя лишить наследства. Но теперь, когда Дюшина свадьба – дело решенное, уже больше не грозитя. Как тебе у нас? Ничего дед устроился? И прислуга у него, и две машины, и собственная фирма. Денег куры не клюют.

– А прислуги у вас всегда столько? – спросила Инна, у которой в голове не укладывалось, зачем двум людям нужно еще трое человек, чтобы их обслуживать.

– Вообще-то нет. Эдгара дед нанял несколько дней назад. Специально для новогоднего приема. Зину тоже с этой же целью наняли, днем раньше. А Эмилия Карловна у нас тут постоянно живет. Дедуля с ней... того.

– Что? – вытаращила глаза Инна.

– Ну, да. Из-за этого остальные родственники и не хотят тут жить. Хотя приезжать все равно приезжают, но не слишком часто. И вроде бы выражают таким образом деду свое недовольство. Только особенно деда не побойкотируешь. Все денежки у него. У остальных, конечно, тоже кое-что есть, но это так, крохи. Основной капитал дед в своих руках держит.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Инна.

– Ты же сама меня учила. Держи ушки на макушке, а рот на замке. Это я только тебе все выбалтываю. А для остальных

– я нема и рассеянна. Они даже не знают, что я латышский уже отлично понимаю. Вот и говорят при мне свободно.

– А ты уже видела своих родственников?

– Все вместе они еще ни разу при мне не собирались. Но завтра состоится ежегодная раздача подарков. Вот они и соберутся. Дед каждый год дарит своим кому машину, кому пакет акций, кому еще что-нибудь ценное. Только на этот раз, сдается мне, не только за этим родственнички пожалуют.

Инна заинтересованно посмотрела на Наташу. Но поговорить им не удалось. В дверь раздался стук.

– Войдите! – крикнула Инна.

Дверь, открылась и в комнату вошла Зина.

– Меня прислала Эмилия Карловна распаковать ваши вещи, – сказала она без малейшего акцента. – Разрешите?

– Не надо, я сама, – запротестовала Инна.

– Ой, нет, – расстроилась девушка. – Эмилия будет недовольна. Она строгая. А мне страх как не хочется терять эту работу. Знаете, русским тут трудно устроиться, если языка не знаешь. Мне очень повезло, что я нашла место.

И девушка принялась деловито распаковывать вещи Инны.

– Пойдем вниз, – потянула Инну за собой Наташа. – Я тебе весь дом покажу. Закачаешься!

И сестры спустились вниз. Осмотр они решили начать с нижнего этажа. Там располагался просторный гараж на пять машин. Кроме того, тут же была оборудована котельная.

– Это только на тот случай, если электричество вдруг отключат, – сказала Наташа. – А вообще везде полы с подогревом. И электричество на моей памяти ни разу не вырубали.

Дальше они поднялись в кухню. Тут уже вовсю шло приготовление к завтрашнему празднику. Эмилия Карловна деловито месила тесто, толкла орехи, перетирала мед с изюмом и маком. Она приветливо кивнула Наташе и сказала:

– Очень хорошо, что зашли. Скушайте плюшку и выпейте кофе с дороги. Я вам поднос уже приготовила. Хотела с Зиной отправить. Где эта бездельница шляется?

– Она вещи у меня в комнате распаковывает, – пояснила ей Инна.

– Господи, один чемодан! – возмутилась Эмилия Карловна. – Нет, набрали людей, а вся работа все равно на мне. Целый час вещи разбирать будет? Увидите ее, гоните сюда. Ей деньги не за то, что она по дому будет без дела шататься, платят.

Наташа присела за стол и принялась с завидным аппетитом уплетать пышную сдобу, пахнущую корицей и ванилью. К кофе были поданы такие густо сбитые сливки, что они плавали в чашках белыми островками. Инна, хотя и плотно позавтракала в поезде, внезапно ощутила зверский голод и присоединилась к сестре. Когда они приканчивали по третьей плюшке, в кухню вошла Зина.

– Где ты гуляешь! – накинулась на нее Эмилия Карловна. – Ты здесь для того, чтобы работать.

– Я вещи распаковывала, – принялась оправдываться Зина.

– У тебя ноги в снегу, – прервала ее экономка. – Где ты в доме нашла снег? У Инны в комнате что, снегопад начался?

– Эдгар попросил меня поддержать ему край ковровой дорожки, он ее чистил. Что тут такого?

– Что тут такого? – подбоченилась Эмилия Карловна. – Я тебе скажу, что тут такого. Ты должна работать, а не задом вертеть.

Зина молча взялась за оставленную ею ступку, в которой толкла грецкие орехи для торта. А сестры выскользнули из кухни. Чашки и пустое блюдо Наташа сунула в посудомоечную машину.

– Злая какая! – сказала Инна. – А по виду славная тетка. Мне она сначала понравилась.

– Это она только с Зиной такая, – сказала Наташа. – Не пойму, что на нее нашло. Обычно Эмилия приветливая и ласковая.

– Может, она ревнует? – спросила Инна. – Откуда твой дед эту Зину нашел?

– Не знаю, она сама пришла. Раньше работала в отеле «Даугава». Это тут недалеко. Должно быть, узнала, что дед прислугу ищет. А к деду Эмилия Зину и на пушечный выстрел не подпустит. Насчет деда она жуткая собственница. Все незамужние дамочки для нее – потенциальная опасность.

– И все-то ты знаешь! – восхитилась Инна.

– А то! – ответила Наташа. – Ладно, пошли дальше дом осматривать. Скоро остальные гости приедут. Нужно до их приезда успеть.

Они осмотрели второй этаж. Кроме комнаты Наташи, голубой спальни, была еще спальня Роланда Владимировича и смежный с нею кабинет. Кроме того, имелась огромная парадная гостиная, рассчитанная человек на тридцать, и небольшая комната, сплошь заставленная книжными шкафами, – библиотека.

Спальни прислуги находились на первом этаже, рядом с кухней. На первом же этаже была гладильная комната, небольшая прачечная и кладовка для продуктов. А также столовая и маленькая гостиная. По сравнению с огромным залом на втором этаже эта комната выглядела почти миниатюрной. И, конечно тут был холл.

Третий этаж был занят спальнями для гостей и туалетными комнатами. Еще на третьем этаже располагался обширный холл, в котором стоял диван, обтянутый черной кожей, и несколько больших растений в деревянных кадках.

На четвертый этаж Наташа так и не успела отвести сестру, потому что внизу раздался гудок автомобиля.

– Кто-то приехал! – обрадовалась Наташа. – Бежим!

Она кубарем слетела по лестнице. Инна последовала за ней. В последний момент она вспомнила о том, что она замужняя дама, и замедлила шаг. Внизу в холле уже стояла группа людей. Незнакомых Инне было все четверо. Среднего

возраста мужчины, примерно таких же лет женщина, должно быть, его жена, и два парня лет по двадцать-двадцать пять.

Инна подошла к ним. Роланд Владимирович приобнял приехавшую женщину за талию и представил гостей Инне. Средних лет мужчина оказался младшим сыном Роланда Владимировича. Звали его Алексей Роландович, но он тут же велел Инне звать себя Алексеем.

– Иначе я буду чувствовать себя таким же стариком, как и мой отец, – шепнул он ей.

Инна сразу же поняла, что сделал он это главным образом для того, чтобы позлить свою супругу. Та являла собой классический образчик снобизма и чванства. Стоило посмотреть, как она небрежно сбросила с плеч шубу на руки стоящей сзади нее Зины. И, даже не соизволив взглядом поблагодарить девушку за услугу, проплыла вперед. Одета она была в классические брюки и пуловер, но казалось, что на ней по меньшей мере горностаевая мантия.

Жену Алексея звали Ингридой. После минутного колебания она все же подала руку Инне и милостиво кивнула ей.

– Мои сыновья, – хорошо поставленным глубоким голосом сказала она. – Ян и Вилли. Оба учатся в университете в Берлине.

Последний факт, по всей видимости, должен был сразить Инну наповал и заставить ощутить собственное ничтожество. Но не на ту напали. Инна испытала лишь легкое недоумение: зачем людям для получения образования тащиться

в такую даль? А свои вопросы Инна не привыкла долго держать в себе. Поэтому она спросила:

– А что, там обучение дешевле? Или на двоих скидка?

Мать студентов покрылась краской негодования, но не нашла, что ответить. Инна тем временем рассматривала обоих парней. Выглядели они, по правде сказать, не слишком умными. А если совсем честно, то откровенно тупыми. Инна даже подумала, что старшего уже давно следовало бы определить в заведение, где занимаются умственно отсталыми людьми. Так и для него, и для общества было бы лучше. А уж получать образование где бы то ни было, ему уж и вовсе не стоило бы. Пустая трата времени и денег.

Вскоре все семейство перешло в распоряжение Эмилии Карловны, с которой Ингрида обращалась, как с последним ничтожеством, каждым словом и жестом напоминая той, что она всего лишь прислуга. Должно быть, Эмилии Карловне это было здорово неприятно. Во всяком случае ее лицо довольно скоро сравнялось цветом с бордовым ковром в холле, и она помчалась пить валерьянку на кухню.

– Милая семейка! – пробормотала Инна.

– Ты еще остальных не видела, – в полном восторге от зрелища сказала ей Наташа. – Этот Новый год ты на всю жизнь запомнишь.

Если бы она знала, как скоро и каким ужасным образом сбудутся ее слова!

Буквально через час приехала вторая партия гостей. Эми-

лия Карловна как раз немного успокоилась и смогла достойно выдержать очередное испытание. Оно предстало перед ней в лице старшего сына Роланда Владимировича и его жены. В этой паре жена была милейшим существом, абсолютно бесцветным и безмолвным. Инна так и не расслышала ее имени, так как женщина пролепетала его совсем тихо. Но вообще-то она показалась Инне довольно безобидной и даже доброй теткой.

Зато ее супруг – Эрнест Роландович оказался редкостным хамом – он ни капли не стеснял себя правилами хорошего поведения. При этом рта не раскрыл, небрежно кивнул всем и лишь отцу пожал руку. Первым делом, войдя в дом, он стряхнул пепел со своей сигареты прямо на ковер. Минуту спустя туда же последовала и сама сигарета.

При этом его внешний облик никак не соответствовал его характеру. Выглядел он редким рохлей. Весь был какой-то вялый и отсутствующий. Словно ничто его не интересовало и не волновало. Вытащив из кармана новую сигарету, он вновь закурил. Эмилия Карловна побагровела и сбежала на кухню, предоставив Роланду Владимировичу самому управляться с гостями.

Отпрыск этой пары оказался женского рода. Впрочем, Инна это поняла лишь после того, как их друг другу представили. До этой минуты Инна была совершенно уверена, что перед ней парень – ее ровесник. Широкие мужские плечи, атлетическая фигура, короткая стрижка. Девушка оказалась

младше Наташи на год, то есть ей еще не исполнилось и четырнадцати. Одета она была в свитер, мужские ботинки и джинсы.

– Стаси занимается плаванием, – сказала Наташа. – Она классная, только со странностями. Впрочем, у таких родителей другого ребенка и быть не могло. Они из тех, кто мягко стелет, да жестко спят. Ну вот, теперь только Дюшу дожидаться, и весь комплект родственничков будет в сборе. Можно начинать веселиться.

– Дюша, он чей сын? – спросила Инна. – Что-то я запуталась.

– Дюша – брат Стаси, – пояснила Наташа. – Мой папа до того, как погиб, был вторым сыном бабушки. Первым был Эрнест, а младший – дядя Алексей.

– Пойдем прогуляемся? – предложила Инна сестре. – Что-то в доме душно стало.

– И правда, пока они все не приведут себя в порядок, потехи не жди, – подхватила Наташа. – Разве что тетя Ингрида устроит скандал из-за плохо накрахмаленного белья или, наоборот, из-за перекрахмаленного. Всегда найдет к чему придраться. Жуткая стерва.

У Инны сложилось такое же мнение. Гости уже расползлись по дому. Всюду слышались звуки хлопающих дверей. Потекла вода из кранов. Словом, дом наполнился звуками и ожил. По пути в сад сестры продолжили экскурсию по дому.

– А здесь что? – спросила Инна, указывая на очередную

дверь.

– Туалетная комната, – сказала Наташа.

– Туалет?

– Нет, я же говорю, туалетная комната. Там не один унитаз. Зайди, убедись сама.

Инна последовала предложению сестры. Тем более, что давно ощущала настойчивые напоминания своего организма о необходимости такого визита. Она вошла внутрь и обмерла. Действительно туалетная комната, но это слабо сказано. Чего тут только не было понапихано.

Прямо в пол вмурована огромная ванна. Повсюду зеркала, сверкающая сантехника. Металлические краники очень сложной конструкции и совершенно не понятно для чего предназначенные. Кнопочки и хитро устроенные полочки. И, уж само собой, от пола до потолка туалетная комната была выложена испанским коллекционным кафелем.

Инна подошла к зеркалу, чтобы проверить, все ли у нее в порядке. Внезапно ее внимание привлекли к себе два мелких предмета, брошенных на поверхности шкафчика с чистыми полотенцами и махровыми простынями. Инна наклонилась поближе, чтобы рассмотреть непонятные штучки.

Очевидно, кто-то забыл тут контактные линзы. В этом не было ничего удивительного. Шкафчик стоял прямо перед зеркалом. Должно быть, кто-то хотел вставить линзы, но потом его что-то отвлекло, и он ушел, позабыв про них. Инна вышла и показала Наташе свою находку.

– Смотри, что я нашла, – сказала она. – Кто у вас в доме носит контактные линзы?

– Даже сразу и не скажу, – пожала плечами Наташа.

– Что, никто?

– Напротив, почти у всех зрение слабое. Вот и дедушка очки носит. И мои дяди, и их жены тоже. Да и Дюшу я в очках видела. Так что и не знаю, кто бы это мог забыть линзы.

– Ну, все равно, возьмем их с собой, – сказала Инна. – Потом спросим у твоих родственников. А то в ванной прислуга может на пол смахнуть. А линзы дорогие.

После посещения туалетной комнаты сестры наконец вышли в сад. Даже сейчас среди зимы огромный сад выглядел на редкость ухоженным и аккуратным. Выложенные камнем дорожки были расчищены, как и площадка перед домом.

– Тут у нас летом водоем, в нем золотые рыбки плавают. На зиму их в оранжерею переводят. А там у дедушки розарий. Он увлекается цветами. Прямо трясется над ними. А тут я разбила альпийскую горку, получилось очень неплохо. Даже дедушка меня похвалил.

Но Инна не слушала болтовни сестры. Все ее внимание было привлечено к странной сцене. Эмилия Карловна, стоя у «черного» хода в наспех накинута на плечи шубке, что-то взволнованно рассказывала Зине, время от времени поднося руку с зажатым в ней носовым платком к глазам. Похоже, экономка плакала. Более странной наперсницы для того, чтобы излить душу, она вряд ли могла себе выбрать. Но

тем не менее тоже наспех одетая Зина сочувственно гладила Эмилию Карловну по руке и утешала.

– Эмилия плачет, – сказала Инна Наташе.

Та прервалась на полуслове и посмотрела в сторону дома.

– Конечно, ей нелегко. Она уже привыкла считать себя хозяйкой и почти дедушкиной женой. А тут на нее Зина с Эдгаром свалились, а потом и все родные дедушки пожаловали. Сама видела, они Эмилию не любят и боятся, вот и доводят до слез. Бедняга, она даже к Зине смягчилась. Поняла: чтобы выстоять против остальных, ей нужен соратник.

Инна с Наташей направились к всхлипывающей Эмилии. Та быстро вытерла слезы и почти сердито посмотрела на них. Слова сочувствия застряли у Инны в горле. И вместо этого она спросила, когда будут обедать.

– В пять часов, – сухо сказала Эмилия Карловна и заторопилась обратно на кухню. – Зина, идем. Работа сама собой не делается.

Сестры продолжили обход сада. В одном месте Инна остановилась и удивленно спросила у Наташи:

– Кто это там?

– Где?

– Вон в кустах сидит, – сказала Инна. – Вроде бы человек какой-то.

– Да, точно! – удивилась Наташа. – Эй, кто там в кустах?

Ее крик возымел странное действие. Кусты затрещали, а человеческая фигура начала стремительно удаляться. Сест-

ры кинулись следом. Но беглец оказался проворней, он выскочил из сада прежде, чем его успели догнать. Сестры остановились возле открытой калитки. В обе стороны уходила пустынная улица.

– Ты его рассмотрела? Кто это был? – отдышавшись, спросила Наташа у сестры.

– Не знаю, по-моему, какой-то мужчина. Лица я не разглядела.

– И я тоже. Что бы ему делать у нас в саду?

– Может быть, вор?

– Среди бела дня? И почему обязательно вор?

– Если не вор, то зачем ему срываться с места и бежать сломя голову?

– Как-то странно, – сказала Наташа. – Пошли посмотрим на следы.

Они вернулись к кустам, где заметили загадочного мужчину. Но там ничего не оказалось, кроме нескольких окурков сигарет и массы следов мужских ботинок.

– Он тут долго стоял, – сказала Инна. – Замерз, начал топтаться на месте. Кого он ждал?

– Ясно, что не нас, – пожала плечами Наташа. – Иначе бы не убежал. Должно быть, какой-нибудь местный пьяница. Решил посмотреть, нельзя ли тут чем-то поживиться.

Слова сестры ничуть не убедили Инну. Во-первых, пьянчужке было явно не по карману курить облегченный «Camel», разве что он его где-то стянул. Ну и во-вторых,

вряд ли пьяница стоял бы в кустах так долго. Чтобы понять, что ничего ему в доме, где полно гостей, не светит, хватило бы и нескольких минут.

Инна встала на то место, где околачивался неизвестный, и огляделась по сторонам. Сзади была сплошная каменная стена. А прямо перед ней оказались два окна спальни и окно кабинета Роланда Владимировича. Все окна были плотно задернуты шторами. Так что разглядеть там что-то было вряд ли возможно. Инна недоуменно пожала плечами и пошла следом за Наташей в дом.

Едва они успели привести себя в порядок, как прозвучал звонок к обеду. Инна спустилась вниз одной из первых. В гостиной уже находился Алексей Роландович и его жена, которая беседовала со своим свекром. Вид у нее при этом был страдальческий, словно у христианской мученицы. И Инна не удивилась, что Роланд Владимирович поспешил оставить свою невестку в обществе супруга.

– До чего нудное существо, – прошептал он Инне на ухо. – Ценю ее прекрасные качества, но она наводит на меня тоску. В ее обществе я чувствую себя так, словно мне не семьдесят семь, а все двести.

– Вы выглядите на пятьдесят, – шепнула в ответ Инна.

Роланд Владимирович от ее комплимента расцвел и попытался погладить Иннину руку. Это не прошло незамеченным для его родных и Эмилии Карловны. Бедная женщина стала бледней простыни и срывающимся голосом предложила го-

стям пройти в столовую, где уже ждал сервированный стол. Все прошли в столовую и чинно расселись вокруг огромного овального стола. Последней к гостям присоединилась Стася, одетая в спортивный костюм и кроссовки.

— Пробежалась перед обедом, — пояснила она свое опоздание. — Тренер велел мне за праздники сбросить килограмм. Иначе рискую вылететь из сборной.

Ингрида брезгливо сморщила носик, когда Стася плюхнулась рядом с ней. На первое подали странного вида холодную коричневую жидкость, в которой плавал изюм, орехи и сухофрукты. К супу подавалась сметана и сливки. Инна осторожно попробовала и поняла, что это холодный суп из черного хлеба с пряностями. На вкус было не так уж плохо, хотя для середины зимы несколько странный выбор.

На второе подали страшно пересоленную свинину в соусе, который явно передержали на огне. Картофельное пюре тоже пахло дымком. Меню дополняли котлеты с горошком и цветной капустой и странного вида отварные изделия из теста и творога, обильно политые соленым сметанным соусом.

За обедом пили сухое вино. Должно быть, из погребов Роланда и притом неплохого качества, но Инна не любила вина. Даже после небольшого количества ее тянуло в сон. А если уж вдруг увлекалась, то ей становилось просто плохо. Инна предпочла бы выпить чего-нибудь покрепче под свинину, но увы, пришлось довольствоваться соком. Впрочем, десерт

несколько примирил Инну с обедом. Им подали несколько видов пирожных, взбитые сливки и очень красивый торт к кофе.

– Эмилия, эти коржи для торта покупные? – поинтересовалась вредная Ингрида. – Смените поставщика, они отвратительно пропечены.

На месте Эмилии Инна бы просто ткнула привередливую гостью носом в торт. Но у Эмилии выдержка оказалась прямо-таки стоическая.

– Да, – только и сказала она, не поведя бровью. – Больше Роланда Владимировича я к плите не подпущу. Коржи для торта вчера испек он своими собственными руками. Впервые на моей памяти. Все мы были поражены, как отлично они у него получились. Жаль, что вам они не понравились.

С этими словами она величественно удалилась на кухню.

– Роланд, – впервые смутившись, забормотала Ингрида, – ты ведь понимаешь, я не то хотела сказать.

– Все в порядке, – заверил ее старик. – Я уже забыл.

Но неловкость все равно как-то не спешила изгладиться. Муж Ингриды испепелял ее взглядом. Наконец гости допили кофе и перешли в гостиную, где расположились возле весело пылающего камина. В центре сидел Роланд Владимирович в деревянном кресле с высокой резной спинкой. А остальные по мере сил и умения подлизывались к нему. Одна Инна хранила нейтралитет и думала о том, как там сейчас ее ненаглядный Бритый. Здорово ли уже волнуется? Или все еще

лелеет надежду, на скорую встречу с Инной.

– А где твой сын?

Этот вопрос внезапно привлек Иннино внимание к собравшейся перед камином группе.

– Папа, я же тебе сказал, он скоро приедет, – немного нервозно сказал Эрнест. – В конце концов он уже взрослый человек. Я не обязан следить за каждым его шагом.

– А почему этот взрослый человек до сих пор не женат? – сердито поинтересовался Роланд Владимирович.

– Папа, ты прямо как в средние века. Не будут же молодые торопиться со свадьбой только из желания угодить тебе.

– А почему бы и нет? – усмехнулся старик. – За все плачу я.

– Папа, не начинай при посторонних, – рассердился Эрнест.

– Где ты тут видишь посторонних? – тоже повысил голос отец. – Тут все свои. В общем так, если твой сын не появится со своей невестой или я пойму, что никакая она ему не невеста, можешь не надеяться, что я оставлю Дюшу в своем завещании.

– Папа! – ахнул Эрнест.

– Видит Бог, я не хочу этого. Но что делать, если другого языка вы не понимаете? Мне все равно, чем твой сын занимается, но жена – это респектабельность. Хватит ему валять дурака. Он уже не ребенок. Или он стесняется показать мне свою невесту?

– Вовсе нет, – неожиданно горячо запротестовала жена Эрнеста, как Инне удалось узнать, ее звали Ида. – Он уже представил нам свою девушку. И можете нам поверить, они отличная пара. Сами увидите.

– Дюша ничего так не хочет, как твоего одобрения его выбора, – льстиво заверил Эрнест.

– Да? – с большим сомнением спросил Роланд Владимирович. – И где он в таком случае?

Родители злополучного Дюши растерянно развели руками. Но на их счастье в холле раздался мелодичный звон.

– Кто-то приехал! – вскочила с коврика у каминной решетки Наташа.

– Наверняка это Дюша! – возликовал Эрнест.

– Для него же было бы лучше, если это так, – пробормотала Инна.

Все присутствующие поспешили в холл, чтобы встретить прибывших. К вечеру погода испортилась. Пошел снег, и поднялся ветер. Поэтому новые гости вынуждены были поднять воротники. Их было двое. Парень и девушка.

– Дюша! – радостно взвизгнула Наташа и бросилась обнимать парня.

– Подожди, дай раздеться, – отбивался тот от нее.

Парень снял свое пальто и повернулся к собравшимся. Инна стояла позади всех. Она подняла руку и успела зажать себе рот. Этим загадочным Дюшей, которого только что чуть не лишили наследства, оказался ее ночной попутчик. Соот-

ветственно его невестой оказалась та неприятная девица, которая встречала его на вокзале в Риге.

– Познакомьтесь, моя невеста Сильви, – представил свою спутницу Дюша. – Прошу любить и жаловать.

Сильви к этому времени уже избавилась от шубки. Инна смогла хорошенько ее рассмотреть. На вокзале на это не было достаточно времени, а потом невеста себя так мерзко вела, что Инне и смотреть-то на нее не хотелось. Но бесспорно девушка была хорошенькой. Короткий нос, пухлые капризные губки и прямые расчесанные на прямой пробор светлые волосы. Одета девушка была довольно скромно, как и подобает девице из семьи настолько богатой, что выпячивать свое богатство ей нет нужды.

– Прошу в дом, – пригласил ее в дом Роланд Владимирович. – И ты, шалопай, заходи.

Затем внук и дед обнялись.

– Рад тебя видеть, дед. Ты еще жив? – мило пошутил Дюша.

– Наконец-то соизволил навестить старика, который одной ногой в могиле, – ответил ему в тон Роланд Владимирович. – Есть хочешь?

– Спасибо, мы перекусили перед тем, как ехать к вам, – сказал Дюша. – Поэтому и задержались. Нужно было заочно познакомить Сильви с каждым из ее будущих родственников.

– Напрасно ты не доверяешь женской проницательно-

сти, – проворковала Ингрида. – Твоя невеста гораздо быстрее поймет, кто есть кто. Как-никак, она ведь женщина. Не так ли?

– А вот кофе мы бы выпили с удовольствием, – не обращая внимания на подначку, скрытую в ее фразе, сказал Дюша деду. – Только такого, какой Эмилия варит. Ты ее еще не выгнал?

– Она будет последним человеком, которого я выгоню из дома, – сказал Роланд Владимирович.

Эта фраза заставила насторожиться и снова занервничать всех родственников, а Эмилия, напротив, приободрилась. Но Инне было не до наблюдений за реакцией родственников. Она не сводила глаз с Алексея Роландовича. Тому явно было плохо. Он вспотел как мышь и был бледным и несчастным.

– Любопытно, – пробормотала себе под нос Инна.

Она потихоньку улучила момент, когда остальные окружили Дюшу и его невесту, осыпая их поздравлениями, и подкралась поближе к Алексею.

– Вам нехорошо? – спросила она.

Тот вздрогнул и с явным усилием кивнул в ответ.

– Съел что-то за обедом, – сказал он. – Вечно Ингрида пикирует с Эмилией, а я отдуваюсь. Вот ведь зараза! Эта ее свинина камнем легла на мой желудок. Пойду прилягу.

И он торопливо выскользнул в боковую дверь. Инна задумчиво проследила за ним взглядом, но ничего не сказала. Тем временем все гости переместились обратно в гостиную,

куда Эмилия принесла две раскаленные чашки кофе для Дюши и Сильви. Дюша приветливо кивнул экономке, а та в ответ улыбнулась чуть менее скорбно, чем в этот вечер.

Инну Дюша за спинами родственников пока не видел. Поскольку парень не сделал Инне ровным счетом ничего плохого, а, напротив, пытался скрасить ее путешествие, Инна дала ему спокойно допить свой кофе. И лишь после этого вышла вперед. Пустая чашка из-под кофе выпала из рук Дюши, а сам он, раскрыв рот, уставился на Инну.

– Это и в самом деле я, – скромно подтвердила Инна. – Тебе не чудится.

– Детектив! – воскликнул Дюша. – Какими судьбами? Здесь что, готовится преступление?

Теперь настал черед оторопеть Инне и всем остальным.

– Детектив? – запинаясь, пробормотала Инна. – Кто – я?

И тут она вспомнила, что под воздействием шампанского, кажется, вчера ночью, в вагоне ресторане была слишком откровенной с Дюшей. И кроме того, наплела ему бог весть каких историй. Короче, хвасталась раскрытыми преступлениями. И вот теперь – извольте! Все смотрят на нее как на прокаженную, тайком пробравшуюся в приличный дом. Положение, как всегда, спас Роланд Владимирович.

– Инну пригласил я, – сказал он. – А ты, Дюша, не пугай бедную девочку своими дурацкими розыгрышами.

– Что за манера позволять себе подобные выходки с незнакомыми людьми? – сердито сдвинув брови, поинтересова-

лась у парня Ингрида. – Где тебя только воспитывали?

– Ингрид, вы бы лучше за своими детьми следили, – огрызнулась Ида.

– А по-моему, мама права, – сказал Вилли. – Что ты плетешь, братец? Какой-то детектив, какое-то преступление. Пора бы стать серьезней, братец. Ты ведь старший. А какой пример ты подаешь детям?

И он указал на Наташу. Делать этого не следовало. Потому что Наташа немедленно кинула в атаку.

– Кто ребенок? – завопила она. – Я ребенок? Да я повидала столько, сколько тебе, Вилька, и не снилось. Что ты при своей маменьке вообще в жизни видел? Ты же тупица, только и знаешь, что за ее юбку держаться и денег кланчить.

– Ребенку пора спать, – сразу же сообщила всем Ингрида. – Девочка слишком возбудилась.

Инна возблагодарила Бога за последующую семейную склоку, во время которой об Инне все забыли. Но довольно быстро все успокоились.

– С Инной мы ехали в одном купе, – принялся объяснять Андрей. – Можно сказать, провели ночь под одной крышей.

Сильви при этом покрылась густым румянцем. Остальные скромно опустили глаза и сделали вид, что ничего не слышали.

– Я вел себя как настоящий рыцарь, – продолжал распространяться Андрей. – Просидел всю ночь в ресторане, предоставив даме купе в единоличное пользование.

– Не выдавай меня, – шепнул он Инне на ухо. – Не рассказывай, что было ночью. Умоляю!

Инна лишь молча кивнула в ответ.

– Значит, я могу тобой гордиться? – спросил у внука Роланд Владимирович. – Это очень мило. Потому что после новогодних праздников я собирался вызвать нотариуса.

Это сообщение произвело среди гостей эффект разорвавшейся бомбы. Все умолкли и уставились на Роланда Владимировича.

– Нотариуса, но зачем, папа? – срывающимся голосом спросил Алексей.

– Чтобы составить завещание, зачем же еще, – пожал плечами дед.

– Но у тебя уже написано одно завещание, разве нет?

– Оно было написано десять лет назад, когда еще была жива твоя мать, – сказал Роланд Владимирович. – А с тех пор в нашу семью вошли новые ее члены.

– Кого ты имеешь в виду? – спросила Ингрида.

– Наташу, Сильви и еще кое-кого, – многозначительно улыбнулся Роланд Владимирович.

– Что за таинственность. Кто это еще вошел в нашу семью, да так что никто этого не знает? – нахмурил брови Эрнест. – Папа, хватит дурить.

– Молчать! – разозлился Роланд Владимирович. – Я еще из ума не выжил. И нечего мне хамить. Помни, ты у меня в доме. А потому изволь соблюдать правила приличия.

С этими словами он поднялся и ушел, оставив остальных сидеть возле догорающего камина в полном недоумении.

– Я тоже пойду прилягу, – неожиданно сказала Сильви.

– Какая муха его укусила? – сразу же после ее ухода спросил Дюша. – И кто этот таинственный член семьи, о котором нам ничего не известно? Тетя Ингрида, может быть, ты знаешь? Ты ведь всегда в курсе семейных разборок.

– Не знаю, – покачала головой Ингрида. – На этот раз не знаю. Эрнест, не нужно было его злить. С него станется лишить нас всех наследства и денежных средств.

– За меня не беспокойся, – остановил ее Эрнест. – Мы с женой оба работаем. Дети уже почти взрослые. Мы проживем.

– Проживем и проживем – это разные вещи, – неожиданно сказал Дюша. – Например, я вовсе не собираюсь отказываться от своей доли наследства из-за сумасбродств старого дурака. Сильви ни за что не выйдет за меня замуж, если дед лишит меня наследства.

– А свадьба на этой девахе так для тебя важна? – ехидно спросил его Вилли. – С каких это пор, дорогой братец? По-моему, ты всегда говорил, что женишься только ради того, чтобы убогатворить деда. Вот и радуйся, жениться тебе не придется.

– Все мы меняемся, – сказал Дюша. – Кстати, я так и не выяснил, не ты ли, дорогой Вилли, разболтал деду про моих друзей?

– Оставь его в покое, – набросилась на Дюшу Ингрида. – Не нужно было таскать к деду своих голубых дружков.

– Кого это ты имеешь в виду?

– Хотя бы твоего Виданаса или как там его. Любому человеку с первого взгляда становилось ясно, какого рода отношения вас связывали.

– Ну, конечно, лучше быть импотентом и тупицей, как твои сыновья, – не остался в долгу Дюша. – И где твой муж, тетя Ингрида? Ему бы тоже не мешало быть здесь и высказать свою точку зрения.

– Я за ним сбегая, – вызвалась Стаси.

Она умчалась, мягко ступая обутыми в кроссовки ногами. Вернулась она всего через несколько минут.

– В спальне его нет, – сказала она. – Я посмотрела еще в библиотеке и на кухне.

– Лучше бы заглянула в туалет, – проворчал Эрнест. – Алексей жаловался на боль в желудке. И это неудивительно после обеда, которым нас сегодня потчевали.

– Ни в одном туалете дяди тоже нет, – сказала Стася. – Я туда в первую очередь и заглянула. Но пальто его на месте, так что он где-то в доме.

И все посмотрели за окно, где совсем по-зимнему выла выюга. Внезапно послышался громкий крик. Кричал мужчина.

– Это из комнаты отца! – вскочил Эрнест Роландович.

Все кинулись за ним следом. Влетев в комнату деда, они

остановились у порога.

– Господи, что случилось? – спросила Ингрида у совершенно живого Роланда Владимировича, который торопливо искал тапочки, засунутые куда-то под кресло. – Это вы кричали?

– Вовсе нет, – ответил тот. – Крик раздался из моего кабинета. Но там никого нет. Перед тем как отправиться на ужин, я собственноручно запер дверь и проверил окна. Там никого не было.

– Дверь закрыта, – подтвердил Дюша, сбегав в коридор. – Но тем не менее там кто-то есть, потому что мы все слышали оттуда крик. И в скважине ни с той, ни с этой стороны нет ключа. Что будем делать?

– Ломайте дверь, – приказал Роланд Владимирович. – Немедленно!

Дюша с отцом дружно навалились на дверь. Но без помощи рослой Стаси у них ничего бы не вышло. Только после того, как она присоединилась к ним, дверь дрогнула и распахнулась. На ковре лежал Алексей.

– О господи! – закричала Ингрида, бросаясь к мужу. – Что с тобой?

Алексей Роландович был без сознания, на его правом предплечье расплывалось кровавое пятно, так что в вопросе Ингриды особого смысла не было. Но Алексей был еще жив, хотя и очень бледен.

– Вызывайте врача! – распорядился Роланд Владимиро-

вич и сам помчался выполнять свое указание.

До приезда врача все остались в кабинете, чтобы следить за состоянием раненого.

– Его нужно перевязать, – ломая руки, простонала Ида. – Он истечет кровью.

– Ни в коем случае! – возразил ее муж. – Его нельзя трогать. Ингрида, прижми к ране полотенце и пусть так лежит до приезда врача. И можно дать ему коньяка.

– Как же я его волью? – растерялась Ингрида. – Он же без сознания.

– Тогда сначала нашатырь, – скомандовал Дюша. – Дед, у тебя в доме нашатырь есть?

– Есть, есть! – воскликнула Наташа. – Сейчас принесу.

Пока остальные суетились вокруг раненого, Инна принялась осторожно осматривать комнату. Уже через несколько минут ей стало ясно, что стреляли в Алексея с улицы. Пуля проделала аккуратное круглое отверстие в стекле. Инна подошла к окну и выглянула в сад. Окно выходило как раз на те самые кусты, где они с Наташей несколько часов назад спугнули таинственного мужчину. Поняв это, Инна призадумалась.

Наконец прибыл доктор Гун. Доктор Гунар Гун оказался довольно старым, но вполне энергичным человеком. Высокий, поджарый, с седой бородой и аккуратным каре таких же волос без малейшего признака плешивости. В общем, он меньше всего походил на сельского врача, напоминая скорее

звезду эстрады.

Осмотрев раненого, он предложил госпитализировать его, сказав, что рана очень серьезная. Вполне вероятно, задета кость. Пришедший к этому времени в себя Алексей Роландович запротестовал, как только мог в его состоянии. Он хотел провести Новый год с семьей – и точка. Пусть даже это будет его последний Новый год в жизни.

– Впрочем, я не имею права настаивать, – сказал врач. – Ранена лишь рука. Не задет ни один из внутренних органов. Пуля прошла навывлет. Так что жизни рана не угрожает. Вот только рука... Кстати, а полицию уже вызвали?

– Полицию? – удивилась Ингрида. – Зачем?

– Понимаю ваше состояние, – сказал врач. – Я сам вызову. Но в любом случае я обязан сообщить об огнестрельном ранении властям. А тут налицо попытка убийства. Без полиции никак нельзя. Сожалею, если это испортит вам предстоящие праздники.

Доктор подошел к телефону и принялся набирать номер полиции, а все остальные подавленно молчали. Что и говорить, врач был прав. Поговорив с полицией, врач повернулся.

– Я оставляю вам антибиотики, надо их принимать, – сказал он. – Ночью, вероятно, поднимется температура. Если к утру она не спадет, немедленно звоните мне. В противном случае я заеду в середине дня или ближе к вечеру. Думаю, что все обойдется без осложнений. Повязку можно до моего

приезда не менять.

Дав указания, врач ушел. Инна догнала его уже возле выхода.

– В районе полно больных, эпидемия гриппа, – пожаловался врач. – Еще тот Новый год у меня будет. Но вы звоните, если Алексею станет хуже. Я обязательно выберусь к вам. И не позволяйте полиции слишком допекать вашего больного. Простите, вы тут гостите?

– Да, – кивнула Инна. – Я сестра Наташи.

Доктор Гун хмыкнул.

– Вроде бы недавно вышли замуж, – сказал он. – Мне рассказывал Роланд Владимирович. Примите мои поздравления.

– Он мне больше не муж, – пробормотала Инна. – А я просто гощу в этом доме. Дед моей сестры пригласил меня на Новый год.

– Вот как? Не муж? – переспросил врач, приподнимая одну бровь. – Очень интересно. Так я обязательно заеду еще, и не раз. Вы тут долго собираетесь пробыть?

– Неделю или даже больше, – сказала Инна. – Как получится.

– Хотелось бы, чтобы получилось подольше, – пробормотал доктор себе под нос, выходя из дома. – У Роланда Владимировича всегда приятно погостить.

Инна выждала немного и тоже вышла следом за ним. Машина врача уже отъехала от дома. Инна прокралась в сад под

окна кабинета Роланда Владимировича. Снег продолжал сыпать, хотя и не такой сильный, как час назад. Но искать следы следовало как можно быстрее, пока их окончательно не засыпало. Инна пробралась к уже знакомым кустам, но, к ее разочарованию, тут не было никаких следов.

Девушка внимательно осмотрелась по сторонам. И тут ей в голову пришла интересная мысль. А что если преступник вовсе не сбежал сразу же после сделанного им выстрела? А все еще околачивается где-то в саду. В том самом саду, где сейчас бродит и она. От этого предположения Инна покрылась холодным потом и ей смертельно захотелось в дом.

Вдруг позади нее послышались шаги. Прокляв свою неосторожность, позволившую ей выйти в сад безоружной, Инна оглянулась.

– Наташка! – обрадовалась она. – Как ты меня напугала! Что ты тут делаешь?

– Что и ты, – ответила сестра. – Ищу преступника. Или хотя бы его следы. Нашла что-нибудь?

– Пока нет, – вздохнула Инна. – Может быть, их уже засыпало?

– Исключено. Снег почти совсем перестал. А времени с момента выстрела прошло совсем немного. Следы стрелявшего должны были хорошо сохраниться.

И сестры принялись обыскивать ту часть сада, куда выходили окна кабинета Роланда Владимировича. Сойдясь снова под окнами через десять минут, они растерянно уставились

друг на друга.

– Мистика! – сказала Инна. – Ни одного следа, кроме наших с тобой. Ты что-нибудь понимаешь?

– Видимо, снег шел сильнее, чем мы предполагали, и замел все следы, – вздохнула Наташа. – Пошли обратно в дом. А то нас хватятся.

И девушки вернулись в дом. Приехала полиция. Точнее, инспектор Пельше, высокий худощавый мужчина. Волосы у него были каштановые и коротко подстриженные, нос длинный и крючковатый. Словом, мужчина, которым могли заинтересоваться дамы за сорок. Инну он почему-то невзлюбил с первого взгляда.

Пельше и два его помощника внимательно осматривали комнату, выставив из нее всех посторонних. Дойдя до окна, инспектор одобрительно цыкнул зубом. Затем он послал одного из своих людей в сад. Сестры переглянулись. Они как-то не учли, что полиция тоже захочет осмотреть сад.

– Извините, – сказала Инна, дернув инспектора за полу его пиджака. – Мы с сестрой только что выходили в сад.

– Зачем? – уставился на нее инспектор.

Скажите на милость! Можно подумать, он тут у себя дома.

– Хотели посмотреть, нет ли там человека, сделавшего этот выстрел, – сказала Инна.

– Очень неосмотрительно с вашей стороны, – нахмурился Пельше. – Мало того, что вы подвергли свою жизнь опасности, вы еще и затруднили нам работу. Как мы теперь опре-

делим, где ваши следы, а где следы преступника?

– Во-первых, вы можете взять нашу обувь и сличить следы, – сказала Наташа. – А во-вторых, в саду, кроме наших следов, нет ничьих других.

– Просто вы их не нашли! – фыркнул инспектор. – Больше всего на свете я не люблю непрофессионализма. И самодеятельности.

И он смерил с высоты своего роста онемевших от обиды сестер. У Наташи даже слезы выступили.

– Больше прошу в расследование не путаться, – сказал инспектор, немного смягчаясь. – Я понимаю, что вы хотели как лучше. Но здесь совершено преступление. Раскрытие его – непосильная задача для ваших юных умов.

Униженные сестры, кипя в душе от негодования, отошли в сторону.

– Мерзавец! – прошептала Наташа. – Что он о себе возомнил? Что погода специально для него попридержит снегопад?

– Не обращай внимания, – сказала уже успокоившаяся Инна. – Типичный пример мужского шовинизма. Мы ему еще покажем!

Что именно она ему покажет, она не успела сказать. Потому что инспектор выставил их из комнаты и велел ждать в гостиной. Там уже сидело все семейство, оживленно обсуждая случившееся. Алексей Роландович лежал на мягкой тахте, сплошь обложенный подушками и обернутый двумя

клетчатými пледами. И делал вид, что ничего особенного с ним не случилось.

– Дядя, ну постарайся вспомнить, кто мог иметь на тебя зуб? – приставал к нему Дюша. – Пойми, тебя собирались убить. И только по счастливой случайности убийца промахнулся. Но если мы его не вычислим, он может повторить свою попытку.

– Оставь его в покое, – приказала ему Ингрида. – Врач не велел беспокоить раненого даже полиции. А ты что лезешь?

– Мама, ты не права, а Дюша на этот раз прав, – сказал Ян.

Так как с момента приезда и до сих пор парень не произнес почти ни слова, при звуке его голоса Инна даже вздрогнула. Она как-то уже привыкла считать его почти глухонемым. Все прочие ошарашенно уставились на Яна. Только сейчас Инна заметила, что в отличие от брата Ян хорош собой. Черноволосый, с круглыми дугами бровей над карими глазами. Поскольку Ян перестал сутулиться, он оказался высок ростом.

– Я не права? – недоуменно спросила у него опешившая Ингрида. – Почему?

– Мы должны установить личность убийцы до того, как он нанесет второй удар, – ответил Ян.

– Вот, а я о чем говорил! – воскликнул Дюша. – Почему меня никогда не слушают! Это же моя мысль!

– Заткнись! – посоветовала ему сестра. – Дай Яну в кои-то веки высказаться.

– Я буду задавать тебе вопросы, а ты просто качай головой, – сказал Янис отцу. – На это ведь у тебя сил хватит?

Алексей Роландович согласно кивнул в ответ.

– Ты кого-нибудь подозреваешь в совершенном на тебя покушении?

Алексей Роландович на минуту задумался. Потом отрицательно покачал головой.

– Вот и все, – сказал Дюша. – Тупик.

– Можно исходить методом от противного, – сказала Инна. – Кто мог знать о том, что Алексей будет здесь именно сегодня?

– На этот вопрос могу ответить и я, – сказала Ингрида. – Все в фирме знали. Каждый год Эрнест и Алексей отмечают Новый год в доме своего отца.

– Выходит, это может быть кто-то из сотрудников?

– Исключено, моего мужа на работе очень уважают и любят.

– Все поголовно? – с сомнением спросила Инна, взглянув на Алексея.

Тот чуть смущенно потупил взгляд. Однако с ответом не спешил. Отметив про себя, что поговорить с ним нужно в более интимной обстановке, Инна сказала:

– Тогда есть еще один вариант. Но боюсь, он вам не понравится.

– Говори, что уж там, – махнул рукой Роланд Владимирович.

– Убить собирались не Алексея, а вас, – тихо сказала Инна.

– Меня? – поразился Роланд Владимирович. – Но кто? И почему вдруг такая дикая мысль?

– Алексея подстрелили в вашем кабинете. Не знаю, что ему там понадобилось, но он туда зашел и включил свет. Сразу после этого убийца сделал свой выстрел. Поскольку пуля влетела через окно, значит, убийца находился снаружи. Просто он не смог достаточно хорошо рассмотреть лицо своей жертвы. Только видел, что в кабинет Роланда Владимировича вошел похожий на него мужчина. И выстрелил.

– А ведь она права! – воскликнул Роланд Владимирович. – Я сам дал Алексею свой джемпер из верблюда.

– Из верблюда? – шепотом переспросила Инна у Наташи.

– Из верблюжьей шерсти, – тоже шепотом пояснила та. – Он такой серый с ярко синим рисунком. И в самом деле очень приметный.

– А зачем ты дал дяде своей джемпер? – удивился Дюша.

– У него не было своего, – пояснил Роланд Владимирович. Все молча посмотрели на Ингриду.

– Ну да, – немного смутилась та. – Получилось смешное недоразумение. Мы не захватили из дома почти ни одной теплой вещи для Алексея.

– Мама весь багаж забила своими нарядами, для папиного гардероба не осталось места, – хихикнула Стася.

– Замолчи! – прикрикнула на нее мать. – Твоих только

шуточек сейчас не хватало.

– С джемпером все ясно, – сказал Ян. – Выходит, что версия Инны не лишена правдоподобия. Убийца и в самом деле мог спутать отца с сыном. Хотелось бы знать, кто же сидел в саду.

– Я знаю, – неожиданно сказала Наташа. – Мы с Инной его видели. Правда, только со спины.

И она рассказала о сегодняшней встрече в саду.

– Боже мой! – ужаснулась Ингрида. – Ребенок гулял в саду, где сидел убийца. Да этот жуткий человек всех нас мог через окна перестрелять, как котят.

– Тетя, не кричи. Во-первых, котят топят, а не стреляют, – поправил ее Дюша. – А во-вторых, все пока живы.

– По чистой случайности, – отрезала Ингрида. – Вилли, Ян, собирайтесь, мы немедленно едем отсюда.

Алексей Роландович дернулся у себя на диване и энергично закачал головой. Все нахмурились.

– Тетя, перестань, – сердито сказал ей Дюша. – Никуда ты не поедешь, пока не поговоришь с полицией.

Вот в это время в комнату и вошел инспектор Пельше. Все как по команде замолчали и уставились на него.

– Как вы себя чувствуете? – обратился инспектор к Алексею. – Сможете ответить на несколько вопросов?

Раненый молча кивнул. По правде сказать, вид у него был не слишком бравый для допроса. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

– Очень хорошо, – одобрил его героизм инспектор. – У вас есть предположение, кто мог в вас стрелять?

Алексей Роландович отрицательно мотнул головой.

– Ладно, подойдем к вопросу с другой стороны, – пробормотал инспектор и повернулся к присутствующим.

– Мне придется установить алиби каждого человека в этом доме на момент выстрела, – сказал он.

– Но мы все были тут, когда раздался выстрел, – растерянно сказала Ида. – Все вместе. Никто из нас не мог выстрелить в Алексея. Вам следует поискать в другом месте. В Алексея стрелял чужак.

– Хочу вам напомнить, что, кроме вас, в доме еще полно прислуги, – сказал инспектор. – Так что, с вашего разрешения, я все-таки сначала поищу в доме. Роланд Владимирович, вы можете поручиться за всех ваших слуг?

Все выжидательно посмотрели на старика.

– Нет, – после минутного колебания все же сказал он. – Двое из наемных работников совсем новые люди. Но я не вижу причины, по которой они стали бы стрелять в Алексея. Это совершенно посторонние люди.

– А как давно вы их наняли? – спросил инспектор. – И каким образом вышли на них?

– Зина работает у меня неделю, ее порекомендовала мне моя экономка. А Эдгар пришел сам. Должно быть, кто-то из соседей рассказал ему, что я ищу мужчину на должность дворецкого и шофера.

– Слишком он молод для такой должности, – проворчал инспектор.

– У него были отличные рекомендации, – пожал плечами Роланд Владимирович. – В конце концов тут не замок английского лорда. Мне подошел бы любой мужчина, способный водить машину. У меня в последнее время стало сдавать зрение. И силы не те. Иметь в доме молодого и крепкого мужчину стало для меня очень важно. В доме полно чисто мужской работы.

– Из слуг это все? – спросил инспектор. – Вы не забыли кого-нибудь из гостей?

– Сильви! – воскликнула Наташа. – Мы забыли про нее. Дюша, как ты мог!

– И в самом деле, как ты мог забыть про свою невесту? – удивился Роланд Владимирович.

Все укоризненно смотрели на парня.

– Хорош жених, – пробормотал Эрнест.

– Что вы от меня хотите? – принялся оправдываться Дюша. – Столько всего на голову свалилось. Сильви совершенно вылетела у меня из головы.

– А кстати, что с ней? – неожиданно встревожилась Ингрида. – Неужели она не слышала выстрела и криков? Почему она не спустилась, чтобы узнать, в чем дело.

Все на секунду замерли, а потом, не сговариваясь, кинулись к лестнице. Впереди всех мчался Дюша. На третьем этаже перед дверью спальни Сильви он остановился и прислу-

шался.

– Тихо, – сказал он.

– Чего ты ждешь? – рассердилась Ингрида. – Входи же.

– Я не могу. Вдруг она тоже лежит мертвая, – простонал Дюша. – Пусть кто-нибудь другой.

– Что ты городишь! Что значит, тоже мертвая? – окончательно вышла из себя Ингрида. – Сам же говорил, что пока еще никого не убили. Трус. Отойди в сторону!

И она толкнула дверь. Та оказалась не заперта. Внутри было темно. Ингрида осторожно шагнула через порог и зажгла свет.

– Ну что там? – спросил дрожащим голосом Дюша. – Она мертва?

– Размечтался, – минуту спустя раздался голос Ингриды. – Заходи, не бойся. Она спит.

Все вошли в комнату и столпились у дверей. У кровати Сильви стояла Ингрида и держала девушку за руку, щупая пульс.

– Выпила снотворного и спит, – пояснила Ингрида. – Все в порядке. Можно оставить ее. До утра не разбудишь. Она выпила двойную дозу.

– Она целый день жаловалась на головную боль, – сказал Дюша. – Должно быть, к вечеру совсем расхворалась. Слава богу, она жива.

– И часто ваша невеста принимает снотворное? – спросил у Дюши инспектор.

– Всегда, когда чувствует недомогание. Сильви считает, что сон – лучший лекарь.

Успокоенные, все спустились к Алексею в гостиную, еще немного посидели у огня. Подождали, пока инспектор закончит допрашивать слуг. А затем после отъезда полиции все гости разошлись по своим комнатам.

Придя к себе, Инна первым делом плотно зашторила окна и заперла дверь на задвижку. Двери во всем доме были добротные, из натурального дуба. Закрыв дверь, Инна сразу почувствовала себя уверенней и смогла подготовиться ко сну. Когда она накладывала себе на лицо слой питательного ночного крема, в дверь постучали. Иннина рука дрогнула, и она попала пальцем с кремом себе в глаз.

– Кого там черт принес, – проворчала Инна, вытирая глаз. – Кто там?

За дверью молчали. Инна встревожилась. Подобравшись к двери, она прислушалась. В коридоре явно кто-то был, там слышалось сопение.

– Инна, открой, – внезапно раздался тихий голос. – Это я, Эмилия Карловна.

Инна быстро открыла дверь, и экономка так же быстро проскользнула в дверь.

– Не хочу, чтобы Роланд Владимирович знал, что я у тебя, – пояснила экономка свое странное поведение. Инна, полиция расспрашивала про какого-то незнакомца у нас в саду. Я видела, как вы с Наташей гуляли там. Вы тоже видели

кого-то?

– Видели, – кивнула Инна.

– И как он выглядел?

– Ну, такой невысокий, черненький. И одет тоже во все черное. Лица его мы не разглядели. Он очень быстро убежал. Он сидел в кустах как раз напротив окон комнат Роланда Владимировича.

Экономка страшно побледнела и присела на стул.

– Господи, – прошептала она. – Не может быть. Как он осмелился?

– Вы знаете, кто это мог быть? – спросила у нее Инна. – Я имею в виду того мужчину в саду.

– Вовсе нет, даже не представляю, – чересчур поспешно ответила Эмилия Карловна. – Мне уже пора. Спасибо за откровенность.

И она стремительно вылетела из комнаты.

– Дела, – растерянно протянула вслух Инна. – Что тут творится?

Она снова отправилась к туалетному столику. На этот раз, чтобы снять излишки крема. Но не успела она взять в руки ватный тампон, как в дверь снова постучали.

– Черт! – выругалась Инна. – Кого там еще принесло?

На этот раз принесло Наташу. Едва Инна открыла дверь, как Наташа ворвалась в комнату и возбужденно затарахтела.

– Только что шла по коридору. И знаешь, что я услышала?

– Нет, а что? – помимо воли заинтересовалась Инна.

– Я слышала разговор Вилли с его братом.

– Ты имеешь в виду Януса? То есть, черт, Яниса? – уточнила Инна. – И как, мне хотелось бы знать, ты могла слышать их разговор, если их комнаты на третьем этаже, а мы живем на втором? Что тебе понадобилось на третьем? Ты что поднялась туда специально, чтобы подслушать?

– Не будь занудой, – нетерпеливо перебила ее Наташа. – Когда узнаешь, что мне удалось узнать, закачаешься. Представляешь, Вилли продулся в казино в пух и прах. И мало того, что он проиграл все наличные деньги, он еще проиграл и деньги, которые взял на работе отца из его сейфа. То есть проиграл деньги фирмы, деньги своего отца.

– Которые ему нужно будет вернуть сразу после новогодних праздников или все раскроется? – догадалась Инна.

– У него был повод стрелять в своего отца, – сказала Наташа.

– Ты рехнулась. Не говоря уж о том, что он бы не стал стрелять в своего отца, Вилли был с нами в гостиной. Ты что, не помнишь? Мы все там были, когда раздался выстрел. Только Сильви была у себя. Но она спала. Но даже если бы она не спала, то для того, чтобы выйти на улицу, ей понадобилось бы пройти через гостиную. Другого выхода нет. Не полезла же она с третьего этажа через окно.

– Это еще неизвестно, полез бы или нет, – сказала Наташа. – Но сейчас речь не о ней. Этот Эдгар, вот про кого я думаю. Я подслушала, как Эмилия говорила полиции, что,

когда раздался выстрел, они с Зиной были у себя на кухне. Вдвоем. А вот где был Эдгар, этого она не знает. Теоретически он должен был находиться где-то в доме. Но в гостиной его не было. Так что... Правда, чтобы выйти из дома, ему бы пришлось пройти через кухню. А там ведь все время находились либо Эмилия, либо Зина. Но он мог проскользнуть и через гараж. Там есть окошко. Нет, оно слишком маленькое. Но все равно нужно попробовать через него выбраться в сад.

– Слушай, ты лучше выбросил это из головы, – посоветовала ей Инна. – По личному опыту знаю: расследования преступления обычно до добра не доводит.

– Ну и не надо, – надулась Наташа. – Не хочешь действовать со мной заодно, обойдусь и без тебя.

– Я тебе запрещаю.

– А я не послушаюсь! – с пафосом воскликнула Наташа. – Ты мне не мама. Сама сто раз это повторяла. А я уже взрослая. И буду делать, что захочу.

– Если ты не выбросишь эту блажь из головы, я пожалуюсь на тебя деду, – пригрозила ей Инна.

– И пожалуйста, он уже старенький, ему за мной не уследить, – сказала Наташа. – К тому же у него гости, так что он не сможет постоянно ходить за мной по пятам.

И Наташа с вызовом посмотрела на старшую сестру. Инна молча застонала. Слишком хорошо она знала выражение, которое появилось сейчас на физиономии Наташи. Не раз видела его в зеркале, так что не узнать не могла. Оно озна-

чало, что Наташка доведет задуманное до конца. Пусть даже это будет грозить ей смертью или чем похуже.

– Я с тобой! – с тяжелым вздохом сдалась Инна. – А мне так хотелось просто немножко отдохнуть.

– Еще успеешь, – сказала Наташа. – Вот вычислим преступника и отдохнешь, пока твой муженек за тобой не пожалует.

– Откуда ты знаешь?.. – начала Инна и осеклась.

– А чего тут знать, – пожалала плечами Наташа. – Ты от него сбежала, чтобы его позлить. Вот и все.

– Он тебе звонил? – заволновалась Инна.

– Вот еще, – фыркнула Наташа. – Как он мог мне звонить? Ты что, оставила ему мой телефон? Просто по тебе я читаю, как по книге. Вот и догадалась насчет того, что вы с Бритым в ссоре. Теперь о деле. Завтра предлагаю выяснить, что за личность этот Эдгар. Откуда он тут взялся у нас в доме. И все такое прочее. А потом уж решим, мог он иметь намерение убить Алексея или нет.

– Не представляю, как нам это удастся, – сказала Инна. – Мы же не ФБР, чтобы иметь базу данных на каждого.

– Эдгар вообще любит поговорить. Вот два дня назад и проболтался, что сам он родом из этих мест. А сегодня ему пришло письмо.

И Наташа вытащила из кармана длинный конверт.

– Откуда оно у тебя?

– Из почтового ящика, – сказала Наташа. – С утра таскаю в

кармане, все забывала отдать. А теперь, думаю, даже хорошо, что не успела. Иначе, как бы мы узнали, кто и откуда ему пишет.

– Читать чужие письма нехорошо, – строго сказала Инна. – Это я тебе как старшая сестра, ответственная за твою нравственность, говорю.

– Я и сама знаю, что нехорошо, – отмахнулась Наташа. – Но это же исключительный случай. С волками жить, по-волчьи выть.

И она принялась распечатывать конверт.

– Постой, – перехватила ее руку Инна. – Не так. Дай письмо мне и идем на кухню.

Сестры бесшумно выскользнули из комнаты. Во всем доме царил тишина. В кухне было темно и немного страшно. Инна включила плиту и поставила на плиту чайник.

– Встань за дверью, – приказала она Наташе. – Если кто подойдет, дай мне знак.

Чайник вскипел быстро. Инна поднесла к его носику конверт и принялась водить им над струей пара. Через несколько минут клей размяк от горячего пара. И конверт можно было легко вскрыть.

– Вот так, – удовлетворенно сказала Инна, доставая листок бумаги. – О, нет! – расстроено воскликнула она.

– Что там? – спросила Наташа.

– Письмо написано не по-русски, – жалобно протянула Инна. – Этого следовало ожидать. Я же обратила внимание,

что и адрес написан на латышском.

– Дай мне, – распорядилась Наташа. – Я кое-что понимаю. А что не пойму, так переведем со словарем. У меня есть. Мне дедушка купил сразу несколько штук.

И сестры прокрались теперь уже в комнату Наташи. Инна сюда еще не заглядывала. А между тем у Наташи было очень славно. На полу лежал веселенький ковер. На стенах висели различные плакаты с рок-кумирами и огромная карта Европы. Еще в комнате стояла деревянная кровать под пологом. На стенах висело несколько светлых полочек с книгами. И повсюду все было заставлено и просто завалено хорошенькими безделушками и мягкими игрушками.

Наташа быстро подошла к письменному столу и вытащила огромный латышско-русский словарь. Положив перед собой письмо, Наташа углубилась в перевод, время от времени роаясь в словаре в поисках нужного слова. Дело у нее шло быстро. К словарю она обращалась не так уж и часто. Уже через пятнадцать минут она выпрямилась и сказала.

– Вот, почти все перевела. Только в конце загвоздка. Ты мне не поможешь?

– Как? – удивилась Инна. – Я же не знаю языка.

– Ты не посмотришь, что тут написано. Какая буква? «А» или «О»?

– А это имеет принципиальное значение? – спросила Инна.

– Огромное, – заверила ее Наташа.

Инна взяла в руки листок бумаги и вгляделась в неровные строчки, написанные дрожащим почерком, как если бы человек очень спешил или волновался. К тому же листок был испачкан чем-то сладким. Должно быть, это был сироп или что-то в этом духе.

– По-моему, это «А», – сказала Инна.

– Угу, – сказала Наташа и снова уткнулась в словарь. – Ну, слушай.

«Здравствуй дорогой мой Эдди! – начала она читать. – Я страшно по тебе соскучился. Это нехорошо, что ты оставил своего самого близкого и дорогого друга на праздники одного. Но не думай, что я буду скучать и лить слезы. Напротив, я собираюсь весело встретить этот Новый год. А вот про тебя мне известно точно, что у тебя не будет повода для веселья ни в Новый год, ни после него. И не думай, что я не понял, что к чему, когда ты бросил меня накануне такой даты. Но учти, этот парень не доведет тебя до добра. И разве у тебя совсем нет гордости? Он предпочел оставить тебя ради призрачной выгоды. Он тебя предал. А ты все не можешь выбросить его из головы. Глупо. Мой тебе совет. Плюнь на эту каракатицу и забудь его, как дурной сон. Возвращайся к тем, кто действительно тебя любит. Пока еще не поздно. Твой Роберт».

– И что мы выяснили? – спросила Инна. – Что у Эдгара была несчастная любовь и он ищет забвения? Ну и что? В этом нет ничего преступного.

– Да, промашка вышла, – признала Наташа. – Сможешь конверт склеить снова?

– Могу, – кивнула Инна. – Только дай клей.

– Вон там в баночке, – сказала Наташа.

Инна потянулась к нужной баночке и случайно задела рукой стопку книг. Они рассыпались по столу. Под ними оказалась пачка фотографий. На них была изображена какая-то обнаженная девушка в компании разнузданных молодых людей в кожаном нижнем белье и с плетками. И прежде, чем Наташа успела ей помешать, Инна поднесла к глазам одну из фотографий.

– Что это? – страшно шокированная спросила она. – Наташа, это ведь ты? Как это понимать?

Она подняла взгляд на сестру. На Наташу жалко было смотреть. Она выглядела словно провинившийся ребенок.

– Инна, – дрожащим голосом сказала она. – Послушай, Инна...

– Что «Инна»? – страшным голосом спросила Инна. – Ты вконец рехнулась? Как это называется? Это то, чему тебя учат в твоей школе моделей? И дед знает об этом безобразии?

– Нет! – перепугалась Наташа. – Конечно, нет. Он бы сразу забрал меня из той школы. Ему же не объяснишь, что это всего лишь форма искусства. И потом за эти фотографии отлично заплатили. И я не делала ничего дурного. Просто фотографировалась и все. А мне всегда нужны деньги. Знаешь,

тут почти как в Европе. Столько разных классных местечек, куда можно пойти с друзьями. Были бы деньги. Но деду это не объяснишь. Он считает, что я маленькая девочка. И относится ко мне соответственно. И финансирует не слишком щедро.

– Форма искусства, говоришь? – переспросила Инна. – Ты точно не в своем уме. Это постыдно. А для такой семьи, как твоя нынешняя, это уж совершенно точно – недопустимо. Они тут все такие преуспевающие. Да знай они, они были бы в шоке. Думаю, что ты недолго бы тут продержалась. Спрячь их понадежней.

– Чего уж теперь! – сказала Наташа. – Они будут опубликованы сразу же после Нового года. В журнале мод. В отделе рекламы нижнего белья. Так мне сказали.

– О! – только и смогла выдохнуть из себя Инна. – За что мне такое наказание! Дед отправит тебя в закрытую специальную школу. Помяни мое слово! И это еще самое лучшее, на что ты можешь рассчитывать. Остальные же будут только рады отделаться от соперницы. Им же больше после смерти Роланда достанется.

– Дед будет недоволен, – подтвердила Наташа. – Но он ведь может и не узнать. А если и узнает, так он отходчивый. Покричит, я поплачу, и все уладится. Я тебе точно говорю. Не принимай так близко к сердцу. Иди спать, все равно уже ничего не исправишь.

Инна еще раз вздохнула и направилась к двери.

– Знаешь, я скажу тебе страшную тайну, – запыхавшись, догнала ее Наташа. – Только смотри, не проговоришься. Дед уже давно написал новое завещание, в котором упомянул и меня. Он просто водит остальных за нос. Ему нравится видеть свою власть над ними. Он вообще манипулятор. И если бы дед умер в ближайшее время, то мне достанется столько денег, что уж не было бы нужды сниматься в разных грязных рекламках. Я бы сама могла открыть свой собственный журнал или модельное агентство.

– Не смогла бы, – машинально сказала Инна. – Ты еще несовершеннолетняя. Так что нечего и мечтать. А ты знаешь, в чем смысл нового завещания? Ты его видела?

– Нет, просто дедушка мне сказал, что он его написал. И теперь, если с ним что-нибудь случится, я все равно ни в чем не буду нуждаться.

Инна задумчиво кивнула, шагнула к двери и тут вспомнила еще об одной вещи.

– Ты сама передашь письмо Эдгару? – спросила она у сестры.

– Завтра, прямо с утра, – кивнула Наташа. – Скажу, что оно затерялось среди газетных страниц. Сегодня всем было не до чтения газет, так что это прозвучит вполне правдоподобно.

– Давай еще проверим, мог ли кто-нибудь выбраться через окошко в подвале в сад, – предложила Инна. – А то я до утра не усну. Все буду об этом думать.

Сестры спустились вниз. Оказавшись в подвале, они подтащили к окошку тяжеленный ящик и встали на него. Увы, даже худенькая Наташа смогла протиснуться лишь до половины. Инна же ухитрилась высунуть макушку, и на этом дело застопорилось.

– Подвал отпадает, – сказала Инна.

И сестры отправились к себе. У комнаты Наташи сестры расстались до утра. Направляясь к себе от комнаты Наташи, Инна заметила, что кто-то поспешно скрылся в противоположном конце коридора. Она осторожно выглянула, но там уже никого не было. Лишь где-то наверху хлопнула дверь. Инна посмотрела на потолок, и по коже у нее невольно поползли мурашки. Она торопливо проскользнула к себе в комнату, заперла дверь на ключ, на засов и придвинула к двери кресло.

– Настоящий серпентарий, – бормотала Инна себе под нос, забираясь в кровать. – Чует мое сердце, что-то еще будет.

Она закрыла глаза и задумалась. Инна не до конца еще разобралась в ситуации, но одно ей было совершенно ясно: зря дед афиширует свое намерение переписать завещание. Ох, зря! Написал бы себе потихоньку. Наследничкам был бы сюрприз. Так нет же!

Инна беспокойно завертелась в кровати. Сон к ней не шел. Ее мучила, не давала покоя какая-то мысль. Но поймать ее кончик никак не удавалось. В комнате стало довольно про-

хладно. Должно быть, на улице похолодало. Вдруг Инна рывком села в постели.

– О, господи! – выдохнула она. – Вот оно в чем дело!

Утро началось вполне мирно. Инна вышла в столовую, где уже был сервирован стол для завтрака. За столом уже сидел Роланд Владимирович с двумя своими сыновьями. Алексей чувствовал себя бодро и даже смог спуститься вниз. Медицинскую помощь он получил вовремя, кровь остановили, а антибиотики, оставленные врачом, творили чудеса. У Алексея даже не поднялась температура. Хотя он был бледен, и Ингрида, чтобы он меньше двигался, кормила его из ложечки.

– На лыжную прогулку я, понятное дело, пойти не смогу. Но в остальном у меня все нормально, – ответил он на вопрос Инны о здоровье. – Спасибо за беспокойство.

– Вечером Новый год, – сказал спустившийся к завтраку Вилли. – Лично мне еще нужно купить несколько подарков. Так что я сметаюсь в Ригу. Кто-нибудь хочет со мной?

– Я хочу! – вызвалась Наташа.

– А тебе зачем? – сердито спросила у нее Инна.

– Нужно, – уклончиво ответила сестра. – Поедешь с нами?

– Нет, – помотала головой Инна. – А где Дюша с Сильви?

Еще спят?

– Дюша сейчас спустится, а Сильви еще спит, – сказала Стаси. – Инна, если ты остаешься, то мы с тобой займемся

украшением дома. А то дед совершенно пустил это дело на самотек.

– Украшать дом? – удивился Роланд Владимирович. – По-моему, у нас уже есть прекрасная елка. Чего же еще?

– Чего еще? – вытаращила глаза Стаси. – Ну и ну! А еловые ветки с шишками и мишурой? А новогодние букеты из тех же еловых веток и всяких блестящих штучек? А новогодние гирлянды? А композиции? Где это все? Решил одной елкой отделаться?

– Но раньше же отделявался, – пожал плечами дед. – Впрочем, если ты так хочешь... – И он снова пожал плечами.

Сразу же после завтрака, когда Вилли с братом и Наташей уехали в Ригу, в доме закипела работа. Сначала Стаси с Инной съездили на елочный базар за ветками и лапником. Потом Стаси засела за изготовление елочных гирлянд из мелких веточек, красных лент и золотой мишуры. А Инна снова по дому, развешивая и расставляя в подходящих местах творения Стаси.

Алексей лежал в своей комнате и спал, чтобы накопить сил для встречи Нового года. Ингрида пошла побродить по свежему воздуху. Эрнест с женой куда-то отправились. Роланд Владимирович тоже по своим делам уехал. Так что в доме осталось не так уж много народу. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Инна вдруг слышала два мужских голоса. Один из них принадлежал Дюше. Второго Инна не знала.

– Какого черта ты тут делаешь? – спросил Дюша. – Я же

тебе ясно сказал – не смей припираться. Ты можешь загубить мне все дело.

– Этого я и хочу, – сказал второй. – Ты понимаешь, чем рискуешь? Твоя свобода, твоя жизнь – вот что поставлено на карту. И моя, кстати, тоже.

– Не мели ерунды, – сердито проворчал Дюша. – Я все рассчитал.

– Это не я, а ты рехнулся, – сказал голос. – Опомнись, пока еще не поздно. Ты ведь наметил это сделать за новогодним столом? Конечно, я вашу семейку знаю. Пробьют куранты, ты встанешь и сделаешь заявление. Так знай, я тебе этого не позволю.

– И что ты предпримешь, чтобы мне помешать? – зло спросил у него Дюша.

– Вот тогда и увидишь. Только посмей сделать это, и ты пожалеешь! – выкрикнул собеседник Дюши. – И не думай, что я не выдам тебя ради нашего прошлого.

– А ну, зайдем ко мне, побеседуем, – совсем уже зло просипел Дюша.

Судя по звукам, он запихнул собеседника в свою комнату. Инна осторожно поднялась наверх и заняла пост, откуда ей было бы видно, кто выйдет из комнаты Дюши. Ей повезло. Прошло не больше десяти минут, как дверь распахнулась, и на пороге возник Эдгар. Его лицо было бледно и покрыто красными пятнами. Он пролетел мимо Инны с такой скоростью, что даже не заметил ее.

Следом за ним из комнаты выскочил Дюша. Минуту он растерянно смотрел в спину удаляющегося Эдгара. Потом стукнул изо всех сил кулаком по косяку. Это его не удовлетворило, потому что он в отчаянии начал биться головой о несчастный косяк. Инна с интересом наблюдала за ним. Побившись минуты полторы, Дюша выпрямился, пригладил волосы и пошел по коридору. Минуту спустя до Инны донесся его ласковый голос.

– Дорогая, могу я войти? – сладким до приторности голосом проворковал Дюша. – Моя рыбка уже встала?

Дверь тут же распахнулась, и Дюша впорхнул к своей рыбке. Инна вернулась вниз, к Стасе.

– Твой брат давно знаком со своей невестой? – спросила ее Инна.

– Не очень. Всего месяц или около того, – сказала Стаси. – Она тебе понравилась?

– Она красивая, – сказала Инна чистую правду.

– А я ее не люблю, – откровенно призналась Стаси, которая успела сдружиться с Инной, пока они вместе украшали дом. – Какая-то она скользкая. Никак не пойму, что она нашла в Дюше? Почему именно он? У ее папочки куча денег. Куда больше, чем у нашего. И она единственная наследница своего отца. Я еще поняла бы, если б она влюбилась в Дюшу.

– Разве она его не любит? – удивилась Инна.

– Нет, – покачала головой Стаси. – На первый взгляд она может и показаться влюбленной, но на самом деле она его

не любит. Ты и сама поймешь, если присмотришься получше к тому, как они себя ведут. Это спектакль, который они разыгрывают для деда.

– Зачем?

– Дюше это нужно, чтобы дед упомянул его в своем новом завещании.

– А Сильвии-то это зачем?

– Ей – не знаю. – Стаси пожала плечами. – Не похоже, что она от всего этого в восторге. Но раз она согласилась стать невестой Дюши, значит, ей это зачем-то нужно.

– Или она вынуждена, – пробормотала себе под нос Инна. Стаси с любопытством посмотрела на Инну.

– Нет, Сильви не беременна, – сказала она. – Если ты это имеешь в виду. Мой братец до свадьбы к ней и не притронется. Но даже если бы Сильви и забеременела, то она, не задумываясь, избавилась бы от ребенка. Она очень злая. У нее есть хорошенькая собачка – фокстерьер. Я видела, как она его била ремнем, когда он стащил у нее кассету. У нее было такое лицо... Такое, я даже испугалась.

– А твои родители, они рады браку Дюши?

– Конечно, рады. Да они прямо с ума сходят от радости, что Дюша наконец остепенится. Он ведь у нас неплохой, только очень подвижный. За ним никак не уследишь. А теперь жена будет за ним присматривать, чтобы он вел себя пристойно. Только это моих родителей и заботит. Сплошное лицемерие.

– Значит, твоего мнения относительно Сильви родители не разделяют? – спросила Инна. – И остальные родственники тоже?

– Ты имеешь в виду моих дядю Алексея и тетю Ингриду? – спросила Стаси. – Они Сильви вчера увидели первый раз. Дюша ее с ними не знакомил. Им все равно. А уж их недоумкам-сыночкам и подавно.

– Разве ты не любишь своих кузенов? – удивилась Инна. – За что?

– За то, что они ослы, – сказала Стаси. – Обоим уже под тридцать, а все учатся. А в свободное время воруют у своих папочки с мамочкой из кошельков. Они оба игроки, вечно в долгах. Я не удивлюсь, если выяснится, что это один из них стрелял в дядю Алексея, чтобы получить после него наследство. На большее у них ума не хватит.

Инна едва дух перевела от такого заявления. Но в это время в столовую пришла Эмилия Карловна.

– Мне нужно успеть сервировать стол к обеду, а вы тут такой бедлам устроили, – ворчала она. – Всюду елочные иголки. Как я их теперь счищу с ковра? У меня ведь не сто рук. На мне еще и праздничное угощение.

– Я могу пропылесосить, – вызвалась Инна.

– Вот еще, вы гостя. Пришлю Зину, – решила экономка. – Хотя, честно говоря, такой безрукой девицы еще свет не видел. И бестолковая. Умудрилась испортить крем для пирожных. Насыпала в масло вместо сахара соль. Хорошо, я по-

пробовала. А то подали бы на стол. Позор! Сейчас пришлю девчонку. Может, хоть с пылесосом управится. Не знаю, как ее на прежнем месте держали!

– Неужели вы не проверили ее квалификацию раньше? – спросила Инна, собирая в картонную коробку оставшуюся мишуру и елочные украшения.

– Мне дали на ее счет превосходную рекомендацию, – с достоинством ответила Эмилия Карловна. – Притом моя близкая подруга. Девушка проработала у них в «Даугаве» несколько месяцев. Очень хвалила. Не знаю, что и думать. Подшутила надо мной моя подруга, не иначе.

Шумной стайкой вернулись из Риги Наташа с Яном и Вилли. Девушка была в полном восторге. Парни закупили ей кучу игрушек, и Наташа шмыгнула к себе в комнату, прижимая к груди несколько ярких свертков. Она сделала знак Инне, следовать за ней.

– Слушай, классные ребята! – сказала Наташа. – Знаешь, где я была?

– В Риге, – удивленно ответила Инна.

– Да, в Риге. Я съездила по тому адресу, который был на письме Эдгара.

– Ты что, не отдала ему утром письмо?

– Отдала, но что мне мешало снять с него копию и переписать в свой блокнот адрес с конверта. На всякий случай. Вот и пригодилось.

– И что ты узнала? – нетерпеливо спросила Инна.

– Улица Смильш – это центр старой Риги, – принялась рассказывать Наташа. – Мне быстро показали нужный дом. Такой, знаешь ли, симпатичный домик. Трехэтажный. На каждом этаже по одной квартире. И что интересно, все квартиры в нем выкуплены. Так что в доме живет всего три семьи. Это здорово облегчило мою задачу. Этот Роберт холостяк, уже не мальчик. У него солидный бизнес. Даже очень солидный. Он имеет сеть ювелирных магазинов и мастерских. Кроме того, владеет одним рекламным агентством, которое главным образом и рекламирует драгоценные изделия, произведенные в его же мастерских. Но самого Роберта я не видела. Он уехал куда-то на Рождество и Новый год.

– Жаль, – сказала Инна. – Я тут подслушала разговор. Эдгар не так прост, как кажется. Он отлично знаком с Дюшей. Я бы даже сказала, что они старые знакомые.

Инна успела пересказать сестре подслушанный сегодня утром разговор, когда прозвучал сигнал к обеду.

– Как-то жутко оставаться в этом доме, – сказала Инна. – Преступник, стрелявший в Алексея, еще на свободе. И кто его знает, что ему придет в голову выкинуть еще.

– Не обязательно, что это кто-то из домашних, – сказала Наташа. – Стреляли ведь с улицы. Это мог быть и кто-то посторонний.

– Ой, я разве тебе не сказала? – спохватилась Инна. – Стреляли не с улицы. Я это вчера ночью поняла, когда ушла от тебя.

– Как? – широко распахнула глаза Наташа.

– Лежала без сна, мне стало холодно, и тут меня осенило. Я вспомнила, что во всех комнатах сохраняется ровная температура. Тройные стеклопакеты и пол с подогревом, сама понимаешь. Мы сидели в гостиной, там было тепло. Правда, горел камин. Но в спальне Роланда Владимировича никакого дополнительного обогрева не было. А когда мы зашли к нему, там было тепло.

– Да, правильно, – кивнула Наташа. – В доме поддерживается температура плюс 21 градус Цельсия. Только ночью ее опускают на пять градусов.

– Вот, а когда мы зашли в кабинет, там было холодно. Жуткий холод. Вспомни сама!

– Я не заходила, – призналась Наташа. – Меня тетя Ида не пустила. Сказала, что детям нельзя смотреть на кровь.

– А я зашла одной из первых. И сразу же подумала о том, как жутко холодно в комнате. Прямо зуб на зуб не попадал.

– Этого не могло быть, тебе показалось, – сказала Наташа. – Везде в доме одинаковая температура. Если бы испортилось отопление в кабинете дедушки, то и в остальном доме тоже бы испортилось.

– Но тем не менее в кабинете было холодно. И знаешь, почему? Потому что дыра от пули в окне была проделана заранее. Скорей всего, очень заранее, раз комната успела выстыть. Вот тепло через дырку и улетучилось. Другого объяснения холодрыги в комнате нет.

– Но кому понадобилось простреливать стекло? – спросила Наташа. – И как это можно было сделать, чтобы никто в доме не слышал выстрела, пробившего стекло?

– Можно было приложить к стеклу подушку и через нее выстрелить, – сказала Инна. – Или воспользоваться пистолетом с глушителем. Это только для примера. Конечно, я не знаю, как именно поступил преступник.

– Но кто мог пробраться в кабинет дедушки?

– Да кто угодно. У любого живущего в этом доме была возможность заказать себе дубликат ключей от кабинета. Твой дед не носит же их у себя на поясе днем и ночью. Я спросила сегодня утром у Роланда Владимировича, не заходил ли он к себе в кабинет вчера вечером. Так вот он сказал, что нет. Так что дыра в окне могла появиться уже сразу после обеда. До обеда мы были с тобой в саду и никакой дыры в окне не видели. А стрелять в окно могли и с улицы. Даже наверняка стреляли с улицы. В комнате остались осколки стекла. А вот стрелять в твоего дядю могли уже и не с улицы, а из дома.

– Слушай, – испуганно заговорила Наташа, – я вот что подумала: если стрелявший находился в доме, значит, это может быть и любой из слуг, и Сильви, которая пробралась в кабинет и не через гостиную. И...

– И даже твой дед, – закончила за нее Инна. – Ничего не скажешь, весело.

– Девочки! – раздался негодующий голос Эмилии за дверью. – Что вы копаетесь? Все уже сидят за столом. Вы празд-

ничного гонга не слышали? У меня, по-вашему, других дел нет, только вас к обеду вытаскивать? И так вся измучилась, пока этот проклятый гонг повесила.

Сестры поспешно выскочили в коридор.

– Боже мой! – всплеснула руками экономка при виде Наташи. – Ты даже не соизволила переодеться к обеду. Чем это ты была так занята?

И, не дожидаясь ответа, она заторопилась обратно на кухню.

– Интересно, как много она успела услышать, прежде чем подала голос? – спросила у Наташи Инна, спускаясь вниз к столу.

Там уже сидела вся семья. Даже Сильви спустилась в гостиную. Девушка выглядела немного утомленной, но тем не менее оживленно беседовала с Яном о преимуществе крекеров над чипсами.

На этот раз к обеду подали на первое молочный суп, а на второе свинину, тушенную с кислой капустой, перловой крупой и обилием пряностей. Блюдо было эстонским, называлось совершенно дико – мультгекапсад или что-то вроде этого. Но на вкус оказалось бесподобным. Инна съела две порции и вынуждена была остановиться лишь потому, что Эмилия торжественно внесла десерт – густой клюквенный кисель с белыми разводами сливок.

– Ешь посытней, – посоветовал Инне Роланд Владимирович. – Следующий раз мы будем есть лишь за новогодним

столом. А до того на кухню лучше не соваться.

– Эмилия становится перед Новым годом страшно раздражительной, – подтвердил слова деда Вилли. – Если появишься на кухне, может и убить.

Его слова повисли над столом. В комнате воцарилось молчание. Ингрида наклонилась и что-то прошептала сыну на ухо.

– А что я такого сказал? – удивился тот. – Любой в доме может сказать, что Эмилия...

– Достаточно! – рявкнул на него Роланд Владимирович. – Я долго терпел. И вот что я вам должен сказать, дорогие родственнички. С этой минуты, чтобы я не слышал ни одного дурного слова в адрес Эмилии. Она все эти годы преданно заботилась обо мне, когда у всех моих дорогих невестушек имелись дела поважней. И если в этом доме кто и заслуживает того, чтобы я оставил ему свои деньги, то это именно она.

С этими словами старик поднялся из-за стола и направился к себе. Все прочие остались сидеть в тягостном молчании.

– Что он хотел этим сказать? – наконец затравленно спросил Дюша. – Он что ж, собирается оставить все этой особе?

Сильви сосредоточенно нахмурила брови и почему-то посмотрела на Алексея. Ее примеру последовали остальные.

– Алексей, – требовательно сказал Эрнест. – Мы все понимаем, что ты не случайно оказался вчера в кабинете отца. Если тебе удалось что-то обнаружить, ты не в праве скрывать это от остальных.

– Ты нашел новое завещание отца? – напрямую спросила у него Ида.

Алексей оглянулся на жену, словно ища поддержки. Но и она молча смотрела на него.

– Оставьте меня в покое! – внезапно вскрикнул Алексей. – Ничего я не нашел! Я просто зашел в кабинет отца в поисках ручки, чтобы написать пару поздравительных открыток. Я даже не успел ничего понять, как в меня выстрелили.

Он поднялся из-за стола, оперся на плечо жены, чтобы уйти к себе.

– Мы тоже пойдем отдохнуть, – сказала Инна. – Наташа, пойдем. Хватит трескать кисель. Лопнешь.

Она выволокла упирающуюся сестру из-за стола.

– Быстрее за ними, – прошептала она, удалившись на приличное расстояние. – Ты знаешь, как можно попасть на третий этаж, чтобы остальные нас не засекли?

– Конечно, через террасу. – Только, боюсь, лестница обледенела.

– Попробуем.

Через минуту сестры стояли перед стеклянной дверью, ведущей в зимний сад. Они быстро пересекли его и оказались еще перед одной дверью. Она была плотно закрыта. Но, к счастью, всего лишь на внутренний замок. Сестры приоткрыли ее и вышли на улицу.

– Надо было одеться, – клацая зубами, сказала Наташа. – Тут зверский холод.

Действительно, несмотря на то, что выглянуло солнце, на улице было холодней, чем вчера. Дул сильный ветер.

– Это единственный путь наверх? – спросила Инна.

– Да. Не считая парадной лестницы, которая выходит в гостиную, – кивнула Наташа.

– Тогда нечего рассуждать. Полезли.

И сестры начали карабкаться по обледенелым ступеням вверх. Такая прогулка и в более подходящее время могла оказаться сомнительным удовольствием. А когда вас обдувает порывами ледяного ветра, который бросает вам в лицо пригоршни снега, это и вовсе кошмарно. Но сестры мужественно карабкались вверх. Несколько раз они скатывались обратно и им приходилось начинать все сначала.

Наконец они стояли перед дверью третьего этажа. Она вела на небольшую площадку, сплошь заставленную деревьями в кадках. Инна толкнула стеклянную дверь и с замиранием сердца подумала: а что если и она заперта? Но нет, дверь легко подалась. И сестры оказались в тепле. Немного отогревшись, они тронулись в путь.

– Я хочу подслушать, что скажет Алексей своей жене, когда они останутся наедине, – пояснила Инна сестре свой замысел.

– Правильно. Я тоже не верю, что ему в кабинете понадобилась ручка, – подхватила та. – Вон дверь их спальни...

Но, к удивлению сестер, из комнаты Алексея и Ингрид не доносилось ни звука. Переглянувшись, они пошли дальше

по коридору. И вдруг – чьи-то шаги. Сестры нырнули в ближайшую дверь, оказавшуюся незапертой. Оглядевшись, они поняли, что находятся в ванной комнате. За стеной слышались голоса.

– Я нашел черновик, – услышали сестры. – Когда раздался выстрел, я как раз держал его в руках.

– Когда мы прибежали, возле тебя не было никаких бумаг, – сказал Вилли.

– Выходит, что их кто-то забрал до вашего появления, – ответил Алексей. – Или их подобрал даже тот самый человек, который стрелял в меня.

– И что было в черновике? – нетерпеливо спросила Ингрида. – Говори же. Твой брат был прав. Твои ближайшие родственники имеют право знать, что там с завещанием. А я и Вилли с Яном и есть твои ближайшие родственники. Говорить там, внизу, было совсем не обязательно, но сейчас ты обязан сказать. У нас есть время повлиять на решение отца. Насколько я понимаю, новое завещание еще не заверено нотариусом.

– В общем, я просмотрел его краем глаза, – сказал Алексей. – Поймите меня правильно, это всего лишь черновик. Возможно, отец написал дюжину таких черновиков, пока не пришел к окончательному решению.

– Это не в привычках твоего отца. Если бы его не устроил вариант завещания, он бы просто уничтожил его, а не оставил валяться, – фыркнула Ингрида.

– Да, дед всегда уничтожал ненужные бумаги, – сказал Ян. – Папа, ты что-то темнишь. Ты уверен, что это был черновик, а не оригинал завещания?

– Вся семейка в сборе, – удовлетворенно шепнула Наташа сестре. – Сейчас начнется.

– Тс-с, – прошипела та в ответ. – Слушай!

– Не знаю, там еще не было подписи двух свидетелей, как это положено, – сказал Алексей. – И вообще завещание не выглядело законченным. Да я и не успел прочитать всего. Лишь просмотрел то, что касается нас четверых. Моя доля осталась без изменения, но я не нашел в завещании ни тебя, дорогая, ни наших мальчиков.

– А ты внимательно смотрел завещание? – дрогнувшим голосом спросила Ингрида.

– Нет, но думаю, что дед решил выделить часть Наташе. Я видел ее имя. Кажется, он здорово к ней привязался. Чего нельзя сказать о наших балбесах.

– А что еще?

– Кажется, я видел там имя жены Эрнеста. Раньше дед ее в завещании не упоминал. За остальных я не поручусь. И вот еще что странно. Я увидел совсем незнакомое мне имя. Какая-то Анне Петерс.

– Петерс? Вроде бы это девичья фамилия твоей матери? – удивилась Ингрида.

– Да, в самом деле, ты права. Мне как-то сразу в голову и не пришло, – смущенно согласился Алексей. – Помнит-

ся, у матери была сестра, правда, они потеряли с ней всякую связь. Какая-то семейная тайна. Мне мать так и не рассказала, что у них там случилось. Но у меня действительно была тетя Анне. Ума не приложу, с какой стати отцу завещать ей деньги, если они не виделись с моего рождения.

– И в самом деле странно, – согласился с отцом Вилли.

Затем разговор переключился вновь на то, как бы вынудить Роланда Владимировича упомянуть в завещании и двух своих внуков – Виллиса и Яниса. Сестры поняли, что все они уже слышали, тихо выскользнули из ванной комнаты. Немного постояли и слышали, как на этаже снова хлопнула чья-то дверь.

– Итак, ты теперь богатая наследница, – сказала Инна сестре, когда они оказались у нее в комнате. – Поздравляю, мисс богачка.

– Еще ничего не известно, – вздохнула Наташа. – Не сглазь. Видишь, как дед легко меняет свои распоряжения. Взял и вычеркнул Вилли и Яна из завещания. А за что? Все-го-то до него дошли слухи, что они заядлые игроки. Вот увидит дед мои фотографии и уберет меня из завещания.

До вечера все шло спокойно. Инна прилегла отдохнуть у себя в комнате и незаметно уснула. Перед новогодней ночью это было даже кстати. Ведь предстояло долгое бодрствование. Проснулась Инна в предвкушении чего-то необычного. Впервые ей приходилось встречать Новый год в другой стране да еще и в такой непредсказуемой компании.

Инна достала сувениры, которые приготовила для всего семейства. Подарки для Наташи и деда она купила еще в Питере. Но и мелочи для прочих родственников оказались довольно милы. Инна закупила их оптом в какой-то лавочке, когда ездила со Стасей за елочными лапами. Инна осторожно снесла подарки вниз и пристроила под елкой.

Оставалось решить, что делать с кучей разнообразных игрушек, которые Инна купила в Питере, плохо представляя себе возраст внуков Роланда. Теперь выяснилось, что среди них нет ни одного ребенка. Лишь Стаси с натяжкой могла сойти за дитя. После некоторого колебания Инна сложила все купленные ею игрушки в одну кучу и на каждой коробке написала имя Стаси.

– У Наташки и без того комната от игрушек ломиться, – пробормотала Инна. – Да и стара она уже для плюшевых мишек. Надеюсь, Стаси не затаит на меня зла.

Часы в гостиной показывали уже девять вечера. Пора переодеваться к празднику. Инна помнила, что праздничный ужин был назначен на десять часов. Вопреки предупреждению хозяина дома Инна заглянула на кухню, чтобы предложить Эмили Карловне свои услуги. Той на кухне не оказалось. Там была одна Зина, которая засыпала какой-то белый порошок из бумажки в тесто. Затем девушка принялась энергично мять его.

– Помочь? – спросила Инна.

От неожиданности Зина вздрогнула и выронила из рук

миску с желтоватым тестом.

– Ой! – воскликнула она. – Как ты меня напугала? Ты что подкрадываешься?

– Я не подкрадываюсь, я просто решила узнать, не нужна ли моя помощь, – сказала Инна.

– Нет, – отрезала Зина.

Обиженная Инна повернула к выходу, подумав, что кое в чем Эмилия насчет этой Зины безусловно права. Немного хороших манер девушке бы точно не помешало.

– Извини, – настиг Инну уже у порога смущенный голос Зины. – Я не хотела грубить. Просто целый день нервы на взводе. Эмилия на меня всех собак спустила. Сама злиться из-за гостей, а на мне зло срыгает. Ну как, мир?

– Мир, – согласилась Инна. – А что ты делаешь?

– Такая специальная сдоба, – сказала Зина. – Подается к новогоднему столу. Сдобное тесто с изюмом, орехами, медом, корицей и прочими пряностями. Лепится в виде ребеночка, украшается сахарной глазурью и разными штучками.

– А, штоллен! – догадалась Инна. – Не знала, что в Латвии его тоже готовят.

– Эмилия сказала, что Роланд Владимирович обожает этот штоллен. Вот она и решила сделать. Не знаю, что получится. Ты пятый человек за последние полчаса, который сунул нос в это тесто. Оно тут подходило часа два, а за это время почти все его потыкали и поинтересовались, что это будет. Ступай, тебе еще переодеться нужно. А мне это дите в

печку сунуть. Господи, что за варварство! Просто не верится, что они потом его и есть примутся. Так и вижу, отрезают ему макушку и в рот запихивают. Ужас какой!

Инна в задумчивости кивнула и вышла из кухни. Она к штоллену тоже питала двойственные чувства. С одной стороны, его вкус приводил ее в восхищение, но тесто благодаря яйцам, сахару и маслу было прямо битком набито калориями. Так что Инна предпочла бы, чтобы этого пирога на столе не было.

На улице уже стемнело. Инна решила посмотреть, что там с погодой и выглянула в сад, но тут же испуганно шарханулась обратно. То ли ей показалось, то ли там и в самом деле мелькнули две темные фигуры. Но когда Инна минуту спустя снова приникла к стеклу, в саду уже никого не было. Лишь вдалеке хлопали петарды и взмывали в небо какие-то яркие огоньки – зеленые, красные, желтые. Это местная ребятня, несмотря на пронизывающий ветер, уже начала праздновать Новый год на улице.

Инна поднялась к себе и достала платье. Бритый купил его для Инны в Москве в фирменном салоне, когда они возвращались из свадебного путешествия. Платье Инне нравилось необычайно. Оно представляло собой сложную комбинацию из перьев и красного шелка. Выглядело платье настолько экстравагантно, что Инна решительно отказалась от мысли надеть его. К чему ей портить Наташке жизнь. А в этой насквозь бюргерской семье вряд ли поняли бы гениаль-

ный замысел модельера.

Поэтому Инна выбрала другое платье, тоже любимое, но много скромнее. В нем были декольтированы лишь плечи, а сбоку в ткани был вырез в форме мужской ладони, и просвечивало голое тело, так что создавалось полное впечатление мужской руки на бедре. Инна любила это платье – оно удачно облегалo ее там, где стоило это делать, и не обтягивало там, где не нужно. Когда Инна облачилась в него, в комнату ворвалась Наташа вся в слезах.

– Мне нечего надеть! – прорыдала она. – Абсолютно нечего. У меня только свитера и джинсы. Не могу же я выйти в них? Я видела, у Стаси приготовлено платье. Не бог весть какое, но платье. А чем я хуже?

– Неужели дедушка не позаботился? – удивилась Инна.

– Он заперся у себя в кабинете и кого-то ждет, – сообщила ей Наташа. – Какого-то мужчину. Велел, как только тот придет, сразу же проводить к нему.

– Какого мужчину? Нотариуса?

– Нет, – покачала головой Наташа. – Он не потрудился нам сообщить, кто такой. Просто сказал, что это его старый друг. И что он будет встречать Новый год с нами. Инна, помоги мне?

– Что еще? – испугалась сестра. – Снова кого-то выслеживать? Или подслушивать, о чем будут говорить дед с этим его старым другом?

– Нет, все равно кабинет так неудачно расположен, что

мимо него все время ходят Эмилия с Зиной. Они накрывают на стол. Я о другом. Инна, дай мне платье!

– Тебе? – поразилась Инна. – Но оно будет тебе велико. Я же выше тебя.

– А ты дай такое, которое можно заколоть и подогнать по фигуре, – канючила Наташа. – Ты же привезла с собой полный чемодан нарядов. Я же видела все эти свертки.

– Это подарки тебе и твоему деду, – сказала Инна. – Слушай, а ведь точно. Я купила тебе в Питере симпатичное платье. Думаю, сейчас оно будет в самый раз. Но оно уже лежит под елкой.

– Не будет большой беды, если мы его оттуда достанем.

И девушки отправились к елке. По пути они столкнулись с Дюшей, Вилли и Яном, входящими в дом. Все трое были с головы до пят усыпаны снегом.

– Что это с вами? – удивилась Инна. – В снегу валялись?

– Вроде того, – подтвердил Дюша. – Сначала лепили снежную крепость, потом испробовали петарды, которые Вилли с Яном купили.

И он показал ракетницу.

– Потом можно будет выйти всем на улицу. Тряхнем стариной, постреляем в небо, поиграем в снежки.

– Мальчики! – раздался возмущенный голос Ингриды. – В каком вы виде? Немедленно в душ и переодеваться.

Парни мигом испарились. Инна с Наташей достали из-под елки нужный сверток с Наташиным платьем. И вернулись к

себе, сопровождаемые подозрительным взглядом Ингриды. В комнате Инна развернула бумагу и извлекла платье.

– Какое красивое! – воскликнула Наташа. – Мечта!

Она быстро скинула с себя майку и джинсы и влезла в новый наряд. Платье мини из черного бархата, ворот и рукава отделаны серыми перышками, оно и сидело на Наташе словно влитое.

– У тебя потрясающая фигура, – завистливо сказала Инна. – Пророчу тебе великое будущее в твоём модельном агентстве.

Наташа распустила волосы по спине и критически осмотрела себя в зеркале.

– Сюда бы еще нитку серого жемчуга, – сказала она, вопросительно глядя на сестру.

– И так хороша, – засмеялась Инна. – Жемчуг тебе еще пригодится, когда юность перестанет красить.

Дальнейшие полчаса ушли у сестер на то, чтобы наложить на Наташино лицо свежий макияж, который бы только подчеркнул его юность. В итоге в гостиную девушки снова явились последними. Но на этот раз их никто не упрекнул.

Роланд Владимирович вовсе и не заметил их опоздания. Он сидел на своем месте у камина с отсутствующим видом и методично, раз в десять минут интересовался у Эмилии Карловны, не подошел ли еще его гость. В качестве аперитива он пил золотую мексиканскую водку из поданной ему рюмки с обсыпанными солью краями.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он, когда часы показали без четверти одиннадцать. – Обычно он точен. И ведь специально звонил, что придет. Ничего не понимаю. Но больше мы не можем ждать, сядем за стол без него.

– Папа, кого ты ждешь? – спросил у него Эрнест.

– Это сюрприз, сюрприз, – с весьма таинственным видом забормотал в ответ Роланд Владимирович. – Но боюсь, для некоторых он может оказаться весьма неприятным.

Все недоуменно переглянулись. Обычно Роланд Владимирович в кругу семьи бывал оживлен и даже весел. Постоянно подтрунивал над кем-то. Сейчас же он почти клевал носом, сидя перед огнем. Эрнест положил ему на плечо руку.

– Что? – встрепнулся Роланд Владимирович. – Ах да, Новый год! Жаль, видно сюрприз не получился. Ну, ничего. Это не последний день в жизни.

Он встал и первым прошел в празднично украшенную столовую, где уже нетерпеливо поджидала их экономка.

– Эмилия, – обратился к ней Роланд Владимирович, – сядешь с нами за стол.

По рядам семьи Роланда Владимировича пронесся глухой ропот.

– И скажи этой девушке... как ее, Зина? Так вот пусть Зина тоже сядет с нами, – изрек старик. – И позови Эдгара. Сегодня я хочу видеть всех своих домочадцев рядом с собой. И поставь на стол еще два прибора.

– А кто же будет подавать на стол? – растерялась Эмилия

Карловна. – Жаркое и грибы. И я приготовила ваш любимый штоллен.

– Не суетись, сегодня праздник, – нетерпеливо сказал Роланд Владимирович. – Хочу, чтобы он был у всех. Сядь!

И он обвел глазами свою семью, сидящую за столом.

– Можете смеяться надо мной сколько угодно, но я вырос в другое время. И не могу относиться к работающим на вас людям, как к бесчувственным автоматам. А именно это вошло в привычку у вашего поколения. Но пока я в доме хозяйин, и все будет по-моему.

Шокированные родственники все же расселись по своим местам, кидая злобные взгляды на Эмилию Карловну и подчеркнуто не обращая внимания на подсевших за стол Зину и Эдгара. Однако после третьего тоста и говяжьего холодца с тмином и хреном напряжение за столом несколько ослабло. Вилли и Ян наперебой принялись ухаживать за Зиной. Эрнест завел разговор с Эдгаром о машинах. А Эмилия Карловна сновала от стола к кухне, обновляя блюда, – ей было не до разговоров.

Эмилия явно находилась в затруднительном положении – как успеть подать на стол всю заготовленную снедь и выполнить приказ Роланда Владимировича. Наконец она приняла разумное решение. Махнула рукой на правила этикета и выставила на стол все яства разом. В центре стола она водрузила запеченного с яблоками огромного гуся, начиненного травами, яблочной мякотью и обжаренным луком. Затем бы-

ли поданы жаренные свиные ножки в соусе.

Замысловатые домашние пирожные, сладкие пироги с красивыми узорами и торт, уже порезанный, она поставила на отдельный столик, чтобы любой мог взять приглянувшийся ему кусочек. Тут же стоял огромный электрический чайник с кипятком и чашки.

Роланд Владимирович внезапно остановил экономку, когда она проходила мимо него и сердито шепнул ей что-то на ухо. Эмилия Карловна покрылась мертвенной бледностью и едва не уронила гору грязной посуды. Она поставила ее на сервировочный столик, что было грубейшим нарушением установленных ею же правил, и села за стол. Инна, которая наблюдала эту сцену, нахмурилась. Застолье, несмотря на обилие вкусной еды, ей решительно переставало нравиться. Все вели себя по меньшей мере странно.

Тем не менее аппетит у гостей был отменный. Ели много. Всех уже здорово развезло от французских вин, которыми потчевал своих гостей Роланд Владимирович. К сожалению, их было некому охлаждать до нужной температуры. Кое-кто уже несколько раз подходил к столу со сладким. Там же стояло пять бутылок белого «Лангедока контроле», которым полагалось запивать десерт. Сладкий чай тоже не слишком способствовал проявлению вкусовых качеств этого вина. Тем не менее гости пили от души. Должно быть, все здорово нервничали. И старались едой и питьем приглушить тревогу.

– Uzsaucu tosty... – поднялся в очередной раз со своего

места Эрнест Роландович.

– Говори по-русски, – сердито приказал ему отец. – За столом кто-то может тебя не понять.

– Хочу сказать тост, – послушно поправился Эрнест Роландович. – Хочу выпить этот бокал за самого прекрасного человека в мире, за хозяина этого дома, за которого мы уже сегодня не раз пили. Но тем не менее я буду рад выпить еще раз. Выпьем за моего отца!

Все откликнулись громкими криками ликования, словно в жизни не слышали ничего более замечательного и прямо-таки рвутся выпить за здоровье главы семейства.

– У меня тоже есть что вам сказать, – не вставая со своего места, ответил Роланд Владимирович. – Я вижу, что часы уже давно пробили половину. До праздника осталось меньше получаса. Но думаю, что времени мне хватит.

Все оставили свои вилки и напряженно уставились на патриарха. От делано веселого оживления, царившего за столом, не осталось и следа. Все молчали. Вид Роланда Владимировича не располагал к шутливым комментариям.

– Извините, что прерываю ваше веселье. Но у меня зверски болит бок. Боюсь, что не смогу долго высидеть за столом. Поэтому и хочу сказать вам сейчас то, что и намеревался с самого начала.

Роланд Владимирович перевел дыхание. Он и в самом деле был бледен, его лоб покрывала испарина.

– Наша семья пополнилась, – заговорил Роланд Владими-

рович. — Я имею в виду Наташу.

Все с интересом перевели взгляд на девушку, словно впервые узнали о ее присутствии за столом.

— Но не только ее.

Взгляды устремились на Роланда Владимировича.

— Да, да, — кивнул тот, — не думайте, что ваш старик сошел с ума. Я обрел родную душу, любимого человека, а стало быть, и все вы. Так вот, в следующем году я намерен жениться.

— Так я и думал! — с досадой прошептал Эрнест, сказал он это так тихо, что его услышали только жена, сидящая рядом, и Инна.

— И на ком? — спросила Ида.

— Имейте терпение, я еще не закончил, — повысил голос Роланд Владимирович. — Моя свадьба — это не единственное событие, ожидающее вас в следующем году. Думаю, что всем вам уже стало понятно, что моя женитьба вынудит меня изменить завещание. Как порядочный человек, я обязан буду упомянуть в нем свою будущую жену и своего ребенка.

При этом все снова неприязненно посмотрели на Наташу.

— Кроме того, я принял действительно тяжелое для меня решение. Ни для кого не секрет, что некоторые члены моей семьи ведут образ жизни, весьма далекий от образцового. Я не могу и дальше закрывать глаза и тем самым потворствовать пороку и лжи.

Тут дед строго посмотрел на Дюшу.

– И я не хочу, чтобы после моей смерти деньги достались бы людям, которые профукают их в один момент, потому что глупы от природы и ничего не предпринимают, чтобы исправить это, – переведя взгляд на Вилли с Яном, добавил Роланд Владимирович. – Правда, умирать в ближайшее время я не собираюсь, так что у них еще будет время исправиться. Если я увижу, что они одумались, то изменить еще раз завещание недолго.

Роланд Владимирович с натугой перевел дыхание, отпил глоток белого вина и продолжил свою речь.

– К сожалению, должен констатировать, что мои сыновья не сумели воспитать себе достойную смену. Я с ужасом думаю о будущем. О том времени, когда меня уже не будет, а мои внуки окажутся неспособными взять в свои руки управление фирмой. Все, ради чего я жил и трудился эти годы, окажется напрасным. Я этого не допущу. Деньги и акции достанутся тем людям, которые смогут достойно продолжить мое дело. Пусть это будут и не родные мне по крови люди. Я не придаю слишком большого значения таким мелочам, когда под угрозой дело всей моей жизни.

– Эх деда понесло, – шепнула Наташа Инне на ухо. – Сейчас он их всех проклянет. И мы сможем выпить шампанского и весело отпраздновать наступающий год.

Словно дожидаясь ее слов, забили часы. Одновременно за спинами собравшихся хлопнула пробка от шампанского, и голову Алексея, который собрал последние силы и дополз с

помощью жены и Дюши до праздничного стола, обдало пенистой струей. Это Эдгар, которого не волновал дележ денег, вспомнил про праздник и откупорил бутылку. И вовремя, потому что часы уже били вовсю. Все машинально подставили свои бокалы. И с последним ударом часов выпили вино.

– С Новым годом! – совершенно похоронным голосом поздравил всех Эрнест. – С новым счастьем. Ну, папа, спасибо тебе. Ничего не скажешь, выбрал время. Но что с тобой?

Выпивший шампанского вместе во всеми Роланд Владимирович сейчас опускался в свое кресло, как-то болезненно скрючившись. В углах рта появился белый налет. Роланд Владимирович держался за живот и стонал.

– Моя печень! – стонал он. – Эмилия, помогите мне добраться до постели.

Эмилия Карловна поспешно кинулась к нему.

– Не нужно было столько пить, – укоризненно выговаривала она ему. – Вам же всегда после вина бывает плохо. А тут вы еще и понервничали. От нервов все и болезни.

Она с помощью Эдгара отвела старика до постели. Остальные продолжали сидеть за столом, охваченные каким-то смутным предчувствием беды.

– Надо же, свалился с последним ударом часов, – пробормотала Ингрида. – Вам не кажется, в этом какое-то роковое предзнаменование?

Ей никто не ответил. Каждый был поглощен своими мыслями. Вилли с Яном хмуро глядели прямо перед собой. Дю-

ша был бледен и избегал смотреть на свою невесту. Его родители и родители братьев тоже чувствовали себя не в своей тарелке.

– Выходит, он твердо решил вычеркнуть наших детей? – спросила Ида. – Просто не верится.

– Вам-то что? – злобно огрызнулась Ингрида. – У вас же есть Стася. Ей ничего не угрожает.

– Не мели ерунды, – одернул ее муж. – Пойдемте проверим, как там отец. Может быть...

Он не договорил, что может быть, потому что в столовую влетела Эмилия Карловна.

– Нужен врач! – выпалила она. – Роланду Владимировичу совсем плохо. Боюсь, что это не печень.

И она быстро вышла из комнаты в холл, где стоял один из телефонных аппаратов.

– Не печень? А что же тогда? – растерянно спросила Ида.

Прибывший через час доктор Гун подтвердил подозрение экономки.

– Желудочное несварение, – сказал он. – Что же вы, Роланд Владимирович? В вашем возрасте нужна умеренность во всем. А вы, наверное, налегали на праздничные пироги и свинину. Вот и результат. Примите вот эти капсулы. А я, если не возражаете, подожду, пока они не окажут свое действие. Если не поможет, то придется вас госпитализировать.

Доктор подсел к накрытому столу. И с большим аппетитом приступил к трапезе. Он явно не был таким уж поклон-

ником умеренности в еде, как изображал перед постелью больного. Инна с умилением наблюдала за тем, как доктор уписывает за обе щеки угощение. Этим он напоминал Инне ее собственного мужа.

– Доктор, ему хуже! – появилась в столовой Эмилия Карловна. – У него жуткие боли. И они усиливаются.

Врач вздохнул и отставил тарелку.

– Значит, серьезное отравление. Придется везти в больницу, – сказал он. – Сейчас позвоню, чтобы там приготовили все необходимое. А вы пока собирайте больного, нельзя терять время. Надо же, в новогоднюю ночь... Представляю, как они там в клинике сейчас обрадуются моему звонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.